

АГЕНТ ИЗ ВЕРСАЛЯ

ВЛАДИМИР
БУТЕНКО

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Владимир Павлович Бутенко

Агент из Версаля

Серия «Исторические приключения (Вече)»

Издательский EPUB

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22490193

Агент из Версаля: Вече; М.; 2015

ISBN 978-5-4444-8386-2

Аннотация

1775 год. Екатерина Великая только что победоносно завершила войну с Портой и усмирила бунт Емельяна Пугачева. Но в Запорожской Сечи зреет новый мятеж, который готовит кошевой атаман со своими турецкими и крымскими союзниками. Непокойно и в Европе: обострились отношения между Францией и Англией с началом борьбы Соединенных Штатов за независимость. Особая миссия выпала на долю русского агента Александра Зодича, действующего в Париже и других странах под именем барона де Вердена. Его отвага и рассудительность помогли спасти жизнь русскому полководцу графу Орлову-Чесменскому, бескровно решить вопрос о роспуске запорожских козаков и усилить позиции родной державы в Крымском ханстве и в Польше. Но великий французский драматург Бомарше

заподозрил, что имеет дело с российским конфидентом. И Зодичу остается идти только ва-банк!..

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	14
3	25
4	33
5	44
6	52
7	64
8	74
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Владимир Павлович Бутенко Агент из Версаля

© Бутенко В.П., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая

1

Рослый, в рыжих подпалинах, пойнтер белой стрелой вылетел на поляну из-за строя деревьев и, взворошив лапами слой палой листвы, как вкопанный, замер перед Зодичем. Полуоткрытая пасть и настороженно-воинственная стойка не сулили ничего доброго. Александр, сидевший на высоком пне, крепче взялся за набалдашник своей трости и, глядя собаке в глаза, спросил с усмешкой:

– Чего изволите, сударыня?

В полуоблетевшем ноябрьском лесу голос раздался звучно и раскатисто.

Легавая отряхнулась, сбрасывая с короткой шерсти влагу, и взрыкнула. Несердито, на всякий случай.

– Повторите имя. Я не расслышал, – снова добродушно обратился Александр к собаке, замечая боковым зрением спешащего сюда крепкого сложения мужчину в кожаном плаще, с ружьем через плечо. Под надвинутой на глаза шляпой наполовину скрывалось лицо. Судя по всему, это был буржуа. А возможно, чиновник из правительственного учреждения или конторы. Когда же охотник приблизился, Зодич... узнал королевского сановника и драматурга, которого

не видел более полугода. Это было столь неожиданно, что он встал на ноги. Привлекательное лицо Пьера-Огюстена де Бомарше было обезображено двумя, видимо, недавними шрамами на подбородке и на щеке. Но выглядел он, по обыкновению, энергичным и уверенным. На ремне, маяча буровато-серыми окоченелыми крыльями, висел подбитый вальдшнеп.

– Вы не пострадали, сударь? – подойдя, встревоженно осведомился охотник. – Как уверял хозяин, у которого я одолжил ее, Ланда не кусается.

– Всё обошлось, мсье Бомарше. Я лишь предложил красотке познакомиться. Но она махнула на это хвостом!

Проницательные глаза знаменитости тронула улыбка. На мгновенье задумавшись, припоминая, где он мог встречаться с этим господином, Бомарше обрадованно воскликнул:

– Простите, барон, не признал вас сразу! Конечно же, это вы с моим другом... Верней, с нашим общим другом, Гюде-ном, сообщили мне о вердикте Высшего суда.

– Да, мы не отлучались тогда из Дома правосудия до самого вечера, пока не узнали решения, и поспешили к почтенному Фаншону. Каково же было наше удивление, когда мы застали вас спящим. Таким самообладанием можно только восхищаться! Вы, как я слышал, покидали Париж?

– Я был вынужден отлучиться во Фландрию, чтобы избежать посмешища.

– Провидение накажет клеветников и продажных судей,

лишивших вас гражданских прав!

– Я не думаю о них, – возразил Бомарше, поправляя левой рукой ремень тяжелого ружья. – Прилагаю все усилия, чтобы мое имя было реабилитировано королем. – Он умолк и, поморщившись, покрутил кистью руки. У основания большого пальца также краснел шрам. – Побаливает, черт подери. Памятка о встрече с немецкими разбойниками.

– Вы подверглись нападению? – сочувственно проговорил Зодич.

– Произошло это в нейштадтском лесу. Трое злоумышленников пытались меня прикончить. Я вскинул пистолет, но тот дал осечку. Рука убийцы направила свой нож точно мне в сердце. И если бы не медальон, висевший на груди, я наверняка бы отправился к праотцам. Досадное злоключение... Вы по-прежнему, барон, играете? Помнится, мы как-то встречались за карточным столом.

– Я так же был за границей и давно не навещал Гюдена, – уклончиво ответил Зодич и сменил тему разговора. – Я слышал о вашем проекте по восстановлению парламента, распущенного королем. Это может изменить политическую систему в стране?

– Именно об этом я и заботился. Однако Морепя и Миромениль, наши главные министры, выхолостили документ. Тот эдикт, который подписал король, доверясь своим советникам, ничего не может вызвать, кроме разочарования. Признаться, я не так часто покидаю дом. Угроза ареста не мину-

ла. Жаль, что могу охотиться в Булонском лесу, лишенном дичи, а не в своем собственном, в Шинонском.

– Меткий выстрел, мсье Бомарше, приносит удачу в любом месте. А вы, как я вижу, с добычей?

– Случайно поднял птичку у ручья. А стрелок, честно говоря, я неважный. Да и раненая летом рука хандрит. Однако ружьишко – отменное. Привез из Лондона. Бьет довольно кучно, – драматург озабоченно понизил голос: – Впрочем, погода меняется. И холодно, и смеркается. Я с утра на ногах, а пальнул, представьте, всего раз. Зато налюбовался лесом! Вы любите эту пору?

– В общем-то, да. Дожди кончились. И мир как будто обновился. Особенно этот предзимний воздух, отдающий грибной сыростью и дубовой корой. И подбор разноцветных листьев удивителен! Посмотрите на макушку платана, она точно освещена луной.

– У вас, барон, взгляд художника. Это интересно! Вы намерены здесь остаться?

– Нет, нет. Я изрядно прогулялся. Позвольте предложить вам место в фиакре.

– Благодарю, меня ждет экипаж. Вы бываете в Версале? Я не большой любитель балов. А хотелось бы познакомиться с вами ближе. Хотя времени катастрофически не хватает! – с расстановкой промолвил драматург, сворачивая на боковую тропу. – До свиданья, барон. Пусть Бог будет милостив к вам!

– До свиданья, мсье Бомарше! Кланяйтесь Гюдену...

В районе Монмартра, где жил Александр, было сумеречно, знобил разгулявшийся ветер. Лабиринт безлюдных улиц и цоконье подков навевали грусть. «Сейчас бы в нашу псковскую усадьбу, к матушке! – вздохнул Зодич, прикрыв глаза. – И быть просто Сашкой, как звал меня погибший отец, а не придуманным бароном Клодом де Верденом. И свободно говорить и петь по-русски!» Он вдруг поймал себя на мысли, что судьба складывалась таким образом, что ему было предопределено стать конфиденнтом, чьи донесения читала сама императрица. Живя то в Петербурге, то в сельском отцовском имении, он с детства воспитывался гувернером-французом. Мать, Ганна Юзефовна, малоросска со шляхетскими корнями, научила Александра и родному языку, и польскому. Два года провел он в Московском университете, штудирова философию и лингвистику. Но волею отца-майора был из него отозван и определен на службу в Измайловский полк, в котором числился с рождения. Там же служил и сам батюшка, Георгий Федорович. Выполнив однажды его деликатное поручение в угоду Григорию Орлову, молодой офицер, блестяще говоривший по-французски, был замечен фаворитом императрицы и рекомендован в тайную комиссию. Через год Зодич с поддельными документами (существование рода де Верденов, бесследно канувшего в конце семнадцатого столетия, не было лишено реальной основы) тайно прибыл в Тулузу, где прожил год, выдавая себя за пари-

жанина, а затем перебрался в Авиньон. Именно в окрестностях этого городка и находилось поместье мнимых предков. Подробно расспросив старожилов, изучив архивы католической церкви, хранившей документы прошлого века, Александр мог чувствовать себя в относительной безопасности. Более того, всемогущие луидоры, заплаченные нотариусу, совершили чудо – на свободной строке в пожелтевшем от времени фолианте появилась запись, из которой следовало, что умерший более двадцати лет назад барон де Верден завещал свое поместье племяннику Клоду. Чиновник столь умело разбавил чернила и подделал почерк, что ни один королевский следователь не заподозрил бы подлога. Вскоре Александр поселился в Париже, чтобы познакомиться с приближенными короля и прослыть стронником польских конфидератов, наводнивших столицу враждебного России государства. Деятельность Зодича, его финансовые расходы из российской казны корректировали посланник Голицын, а затем сменивший его Иван Сергеевич Барятинский. Александру удалось попасть в Версаль, установить дружеские отношения со многими влиятельными персонами при суверене Людовике V, скончавшемся в мае этого года. А теперь начался новый этап освоения Версаля, откуда с надеждой ждали от него на родине сообщений, способных изменить ход истории...

Слуга Пьер, раскинув руки, храпел в прихожей на скамье. Раздосадованный тем, что неисправимый ловелас, видимо,

гулявший предыдущую ночь, на звук колокольчика не вышел к фиакру, Зодич разбудил его окриком и велел приготовить чай. Чернокудрый бургундец, подскочив и ошалело тараща глаза, юркнул на кухню.

Александр подошел к окну и с удивлением обнаружил, что в пролете сумеречной улочки роятся снежинки. Зима не дождалась недели до своего календарного срока. Впрочем, в Париже она недолгая, слякотная. Слава богу, что хоть изредка выпадает снег! Он всегда поднимал в нем дух, напоминая о смоленской стороне. И до Рождества уже совсем недалеко...

«Господи, восьмой год я в отрыве от дома! – вспомнилось вдруг с необоримой тоской. – И эта странная раздвоенная жизнь стала столь привычной, что иной даже не представляется. Порою мнится, что вокруг – какая-то греза, нудная игра, из которой не могу выпутаться. Где чужое, где дорогое сердцу, зачастую не понять! Живу, точно по инерции, привыкнув рисковать и одинаково легко расставаться с теми, кто враждебен и кто близок. Да и родной язык, несмотря на встречи с дипломатами, стал уже забываться. Боже праведный, пошли удачу и терпение!»

В ящике письменного стола таилось зашифрованное предписание от русского посланника в Париже князя Барятинского. Зодич должен был выехать в Варшаву и по возможности сблизиться с конфидератами и прочими оппозиционерами короля Станислава-Августа. Это поручение его взвол-

новало. Та женщина, которую он повстречал в Венеции, и которая спасла ему жизнь, заслонив собой дуло пистолета, могла там оказаться. Невольная вина в том, что был вынужден оставить ее у врача в тяжелом состоянии, тлела в душе. И по сей день Александр ничего не знал о ее дальнейшей участи. Верилось все же, что она жива. И, возможно, он отыщет ее в Польше...

Китайский чай, заваренный слугой, оказался на диво ароматным и бодрящим. Пять свечей, горевших в шандале, ярко озаряли стол и книжный шкаф сбоку от него. Зодич достал из выдвижного ящика толстую тетрадь, где вкратце делал записи. Предстоящая поездка в Польшу, чувствовалось, будет продолжительной. Необходимо было обновить в памяти всё, что пришлось пережить с мая, после того как узнал о кончине бывшего короля...

Поздней ночью в середине мая Зодич, одетый простолюдином, через потайной ход вошел во дворец Селмура. Охранники венского посольства, услышав в ответ условленные слова, пропустили его беспрепятственно. В такой час, как им хорошо было известно, приезжают только по самым неотложным вопросам. И действительно, спустя полчаса посетитель был допущен в кабинет посла Голицына.

Дмитрий Михайлович, без парика, с наспех причесанными прядями поредевших волос, пытливо вглядывался в парижского агента, пока этот черноглазый красавец, с широким развалом плеч, шагал по ковровой дорожке к его столу. Породистое бритое лицо, отмеченное коротким шрамом (вспомнился рубец от сабельного удара на щеке у графа Орлова-Чесменского), выражало крайнюю утомленность. И, машинально ответив на приветствие, Голицын с нетерпением спросил:

– Что стряслось? Почему вы здесь?

– Вынужден был приехать к вам. В Париже за мной следят. Явиться к князю Барятинскому было бы неразумно и крайне рискованно, – заплетающимся от усталости языком произнес Зодич. – Версальский двор, ваше высокопревосходительство, взбудоражен. Король Людовик XV при смерти. В замке Трианон он заразился оспой от любовницы, которая

уже скончалась. Король потерял голос, временами впадает в беспамятство. Ни кровопускания, ни прочие средства не приносят излечения. Дни монарха, как явствует из записки дофины Марии-Антуаннеты, сочтены. К нему не допускают никого, кроме фаворитки – мадам дю Барри.

Посол вышел из-за просторного, украшенного позолотой и орнаментом стола, взволнованно уточнил:

– Когда вы покинули двор?

– Восемь дней назад. Мы до Зальцбурга ехали верхом, несколько раз меняя лошадей, а там я купил экипаж.

– Благодарю за службу. Франция на пороге перемен, настал час интриг и дипломатии. А здесь, как ни странно, еще ничего неизвестно. Вчера в Шёнбруннском дворце я имел продолжительный разговор с канцлером Кауницем, и... Полное молчание! А быть может, утаил, старый лис. В любом случае ваша новость имеет большую ценность.

– Известно также, что австрийский резидент и опекун дофины граф де Мерси поселился в Версале и, вероятней всего, готовит Марию-Антуаннету к миссии королевы.

Голицын в волнении подошел к окну и, потянув витой шнур, отодвинул портьеру. В открытую форточку плеснуло холодком и ароматом доцветающей сирени. В широкие пролеты стекол было видно над чертой темных крыш убывающую луну, мелкие, вроде гардинок, облака. Ночь венская была глубока, таинственна.

– Что ж, рано или поздно это бы произошло, – после раз-

думья заключил Голицын. – Людовик в преклонных летах. Образ жизни короля, его распутство имели широкую огласку. Никогда не испытывал он дружелюбия к России. Сверх того, интриги его недалёковидных министров более всего вредили нам в последнее десятилетие... Жаль, Мария-Антуанетта так молода. Но, будучи дочерью Марии-Терезии, она наверняка будет налаживать союз с Австрией, и это, без сомнений, нам на руку. Перспектива мира с Портой реальна.

– Но коли Шуазёль, приятель дофина, будет возвращен ко двору, надежды на улучшение наших отношений с Францией сомнительны. Старик вновь ополчится против России.

– Вы правы, Зодич. Но мы не знаем с точностью: жив нынешний король или уже отдал Богу душу, – рассудил Голицын. – Подготовьте донесение и немедленно возвращайтесь. За время, проведенное вами в дороге, многое могло измениться. Однако почему вы не направили ко мне вашего курьера? Или есть что-то еще?

– Точно так, ваше высокопревосходительство. Удалось открыть заговорщиков против графа Орлова.

– И кто же они? – Дмитрий Михайлович вернулся за стол и, чтобы перебороть сонливость, взял щепотку табака.

– Люди виленского воеводы Карла Радзивилла. Мой конфиденгент сообщил имена, хотя теперь они наверняка имеют фальшивые паспорта. Это Ян Ярошевский, сын краковского магната, и Ядвига Браницкая, из рода небезызвестного гетмана. Злоумышленники выехали из Парижа на три дня рань-

ше меня, и я вынужден преследовать их на пути в Венецию. К сожалению, оба они мне неизвестны.

– Вам немного удалось, – упрекнул Голицын и взял в руку звонок, чтобы вызвать дежурного. – Уже далеко за полночь. Вы, очевидно, голодны? Оставайтесь пока у меня. А днем обсудим план действий. Возможно, названные особы есть в тайной картотеке. Что известно об их внешности?

Сведения были скудны. Единственной зацепкой было то, что Браницкая – одна из самых красивых женщин Европы.

– Увы, грустная закономерность, – полушутя обронил посол. – Чем дама прекрасней, тем больше соблазн. От этого, пожалуй, многие красавицы превращаются в куртизанок.

– Последний год, ваше высокопревосходительство, в Париже обрела известность мадам Али Эметте, женщина так же привлекательная. Она смугла, похожа на креолку, говорит на нескольких языках, в том числе на русском. Некоторое время была в любовницах у Огинского, польского офицера. Сейчас она в Германии, в имении князя Лимбурга, который собирается жениться на ней. Я не стал бы говорить о сей любительнице приключений, ежели бы не пущенный кем-то нелепый слух, что она якобы... дочь императрицы Елизаветы Петровны от графа Разумовского и, являясь русской княжной, претендует на царствование!

– То есть ваша дальняя родственница?

– Этим бредням, разумеется, мы даем отпор, да никто особенно и не верит в них. Но, смею полагать, надлежит на-

блюдать за мадам, готовой на любую авантюру.

– Напишите свою реляцию. И отдыхайте, мой друг. Утро вечера мудренее. Ауф видерзеен!¹

* * *

Утром один курьер погнал лошадей в Петербург, а другой в Ливорно, где была резиденция Орлова-Чесменского. Всю ночь, не смыкая глаз, Дмитрий Михайлович писал подробный рапорт императрице, в котором сообщал не только о нездоровье французского короля, но и делал предположения относительно возможной ситуации в Европе с восшествием на престол внука Людовика XV. А в депеше Главнокомандующему в Архипелаге известил о заговорщиках и о возможном местонахождении их в Италии.

А Зодич мертвецки проспал до полудня. Разбудила его перекличка синиц за открытым окном. Он вспомнил с тревогой, где находится, и вскочил, ругая себя за то, что слишком много времени потратил на сон. Александр, потребовав у слуги чернил и бумагу, составил на имя посла подробное донесение.

Позже состоялась их встреча.

– Что вы намерены предпринять? – поинтересовался Голицын, просмотрев отчет агента. – В нашей картотеке оные

¹ До свиданья! (нем.)

лица не обозначены.

– Вернусь в гостиницу, а после полудня навещу пана Манульского, конфедерата, богатого землевладельца. У него здесь свой дом. Возможно, он имеет связи с теми, кого разыскиваем.

– Достаточно ли у вас средств для задуманного предприятия? Я буду ходатайствовать об увеличении выделяемой вам годовой суммы.

– Покорно благодарю. В финансах я покамест не стеснен.

– Желаю Божьей помочи. Не забывайте, чья жизнь в опасности. Граф Орлов-Чесменский – великий сын России. Действуйте! И... жду известий! – посол на прощание обнял Зодича.

И без того напряженная дипломатическая работа набирала ход, суля непредсказуемые перемены, как если бы у играющих за столом кто-то негаданно перетасовал карты. Голицын с тревогой отметил, сколь лихометный год наступил: иные лица в Петербурге, бунт Пугачева, моровая язва, уносящая тысячи жизней в Европе, новый султан в Порте и как следствие – оживление военных действий на Дунае, обострение отношений со Швецией, самозванка с претензией на русский престол и, наконец, предстоящие перемены в Версале. И всё это ему, русскому посланнику, необходимо учитывать, разгадывать, осмысливать. Слова и действия государей зачастую не совпадали. И в первую очередь необходимо было выяснить дальнейшие планы австрийского императора Иосифа

и его матери, чтобы государыня Екатерина могла принимать решения, несущие России пользу и долговременную выгоду. Он всегда помнил о родной стране. Вне этой службы Отечеству Голицын не представлял своего существования...

В затрапезном платье, в котором его можно было принять за венского бедняка, Зодич окольными улочками добрался до гостиницы. Пьер, расторопный и смышленный бургундец, посвященный в секретную миссию, не маялся без дела, а успел вычистить и накормить лошадей, отгладить выходной костюм хозяина и даже познакомиться с горничной, бело-брысой девкой, сразив ее комплиментами. Эта Габриэлла, к счастью, владела французским и, будучи разговорчивой от природы, выложила чернокудрому ухажеру всё, что знала о постояльцах. Оказалось, что вчера ночевала у них некая супружеская пара, направляющаяся в Италию. И, по словам ее, дама, скрывавшая лицо под вуалью, говорила со своим господином по-польски.

– Молодец, – похвалил Александр слугу, любителя женского пола и драк. – Их имена я постараюсь узнать сам.

Хозяйка гостиницы, подувядшая дама лет сорока, ничуть не оттаяла сердцем при виде красивого и изящно одетого парижанина. Выяснив, что он ищет среди поляков своих знакомых, она почему-то с подозрением посмотрела на него и лишь за деньги согласилась назвать жильцов, останавливавшихся за последнюю неделю.

Дворец Манульского, построенный в венецианском стиле,

долго искать не пришлось. Он располагался в восточной части Вены, вблизи площади Святого Стефания. Придверный лакей, наряженный в национальный польский костюм, услышав родную речь, с таким рвением бросился докладывать о прибывшем госте, что сломал каблук.

Пан, пожилой рыжеволосый толстяк, страдающий сердечной жабой, принял визитера со странно озабоченным лицом не в зале и не в кабинете, а в маленькой комнатке, рядом с вестибюлем. Одет он был по-домашнему, в архалуке и мягких сапожках, и, судя по блеску в глазах, находился подшофе. И, как уловил Александр, от одежды его исходил тонкий запах женских духов. Уж не прервано ли любовное свидание?

– Рад видеть вас, уважаемый мсье Верден. Что-то зачастили в Вену парижане, – зашелся тирадой хозяин, пожимая руку. – И превосходно, чудесно. Надобно чаще встречаться и поддерживать друг друга, как это принято у иудеев... А вас я, милейший Клод, уважаю больше других за то, что поддерживаете нашу борьбу с захватчиками. К тому же помогаете сплотить эмигрантские круги против России. Пся крев!

Выдержав торжественную паузу, Манульский протянул руку вперед:

– Прошу присаживаться.

Слуга вскоре явился с вином и закусками. Они подняли бокалы за процветание Польши. И хозяин вновь стал убеждать в необходимости выступления Конфедерации против русской армии, рассуждать о привлечении добровольцев из

других стран, чтобы очистить польскую землю от врагов, учинивших передел, и вернуть славу Речи Посполитой. Но чем больше говорил Манульский, тем ясней ощущал Зодич его фальшивый пафос. Затягивать встречу не имело смысла. Александр, улыбнувшись, прервал блудливую речь хозяина.

– Я остановился в гостинице, но, к сожалению, пан Тадеуш, не застал очаровательных людей, ваших соотечественников, чету Сикорских. Покуда ехал через Тироль, лошади выбились из сил. Не знакомы ли вы с ними?

В глазах Манульского промелькнула тревога.

– Наших немало в Австрии, – уклончиво проговорил хозяин, и Зодич почувствовал, что толстяк наверняка знает Сикорских. Не они ли и есть агенты пана Коханку, как именovali Радзивилла в европейских странах?

Зодич сказал с двусмысленной усмешкой:

– Надеюсь, они благополучно доберутся до места. Погода чудесная. И в Венеции не отменяют карнавал.

Набрякшие красные глаза хозяина выпучились, он взволнованно и сбивчиво бросил:

– Я не совсем понимаю, о чем вы, мсье. Но в любом случае не стоит впустую болтать о том, что делают и где находятся польские патриоты. Поляки сильны католической верой и единством! Нас не сломят никакие лишения. Выпьем за это! Пся крев!

«Очень похоже, что это они! – утвердился Зодич в своем предположении. – Почему пан так разволновался? Не дове-

ряет мне? Похоже, покушение на Орлова готовится основательно».

– Нет, я уже пьян, – засмеялся гость и, всем видом показывая благодушие, поднялся. – Отложим ваш реванш до следующего раза. Карты требуют ясности ума.

Брошенное вскользь напоминание о карточном долге, о крупной сумме, проигранной этому французу полгода назад, вздернуло Манульского. Самолюбие пана взыграло, он высокомерно вскинул голову.

– Отчего же, это не помеха. Я всегда готов к услугам.

– Не сомневаюсь! Но... Спасибо за угощение. Вынужден, пан, вас покинуть. Кстати, вы женились? Или по-прежнему храните верность покойной жене?

– У меня есть задушевная подруга... Слушайте, Клод, я не совсем понял ваши намеки о карнавале. О чем вы, собственно, хотели сказать?

– О чем вы спрашиваете, пан Тадеуш? – вопросом на вопрос отозвался Александр, замечая, что из-за двери кто-то подглядывает.

– Вы странный человек, мсье Верден. Говорите какими-то намеками, – посетовал, идя следом за гостем Манульский, и вдруг остановился. – Я хочу сделать вам подарок. Отменное охотничье ружьецо. Извольте подождать.

Толстяк проворно нырнул в боковую дверь. Спустя минуту, опережая его, в комнатенку вбежали два рослых слуги.

– Взять его! – завопил пан Манульский. – Он – подослан-

ный шпион. В подвал его!

Зодич кулаком сбил с ног подбежавшего к нему слугу, метнулся по лестнице наверх. С разбегу ступил на подоконник открытого окна и, хотя до земли было не менее двух саженей, прыгнул на цветник. Ирисы смягчили удар о землю. Александр перемахнул через решетчатый забор и бросился по улочке, за углом которой ждал его экипаж. Пьер, увидев бегущего хозяина, смекнул что к чему. Выхватив пистолет, поджег заряд, пальнул в сторону дворца, на ступенях которого показались и тут же ретировались за дверь поляки. И, только убедившись, что недруги не преследуют, а мсье цел и невредим, лихой бургундец забрался в карету и взбодрил лошадей кнутом...

Следующая запись была сделана два месяца спустя...

До первого после Великого поста карнавала оставалось всего несколько суток, и с каждым часом на улицах и площадях, на фасадах домов прибавлялось разноцветных гирлянд и фонариков, чаще слышалась разноплеменная речь гостей, съезжавшихся со всей Европы. Зодич уже неделю находился в Венеции, познакомился со многими здешними людьми, владельцами домов и уличными музыкантами, офицерами и купцами, постоянно бывал на пристани и в кафе, разыскивая Сикорских. Но никто из новых знакомых о них не слыхивал. Это, однако, ничуть не поколебало его уверенности в том, что диверсия против русского главнокомандующего намечена на время карнавала.

Он добился аудиенции у Орлова-Чесменского, но его предостережения как будто растворились в воздухе. Генерал-аншеф отнесся к угрозе с легкой насмешкой, возразив, что, во-первых, любит потехи уличных комедиантов, а во-вторых, отказаться от приглашения дожа посетить праздник республики, увы, не позволяет дипломатический этикет. Более сговорчивым, к счастью, оказался генеральский адъютант Христинец, заверивший, что на карнавале ни на шаг не отойдет от командира, который, кстати, будет в костюме пирата и маске с длинным носом. Условились они и о том,

в каких нарядах будут сами.

На Большом канале, у старинного моста Риальто, Александр снял гондолу и велел крепкому черноволосому парню плыть к Пьяцетте. Оживление предстоящего праздника угадывалась повсеместно. Вопреки запрету, еще до начала гулянья во встречных гондолах многие венецианцы и венецианки были в масках. Беззаботный громкий хохот и песни разносились по гулким улочкам из открытых окон верхних этажей и веранд. Веселая музыка оркестриков не умолкала на набережной вблизи Пьяцетты и в других местах.

Зодич, откинувшись на спинку кожаной скамьи, любовался мраморными дворцами и массивными каменными зданиями, которые отличались не только архитектурой и цветом, не только изумляли очертаниями и разнообразием стилей, но, смутно отражаясь в подернутой зыбью воде, создавали неповторимое ощущение, что выросли из пучины и застыли сказочными утесами! Он не мог оторвать взгляда от барочной церкви дельи Скальци, от красно-белого строения Турецкого подворья, с двухэтажной колоннадой, с арками, башенками по краям. Не сдержал восторга при виде дворца Редзониго с галереями и балкончиками, украшенными цветами, и трехэтажного дворца Якопо Корнера, фасад которого состоял из просторных венецианских окон, а торец был сплошь увит плющом и виноградными лозами. Вечереющее небо бросало на поверхность канала бронзовый отблеск, и панорама Большого канала впереди, с белостенными и тем-

ными зданиями, с лабиринтом разновеликих крыш, с плывущими гондолами и суденышками, с пляшущими мелкими волнами у самых ног, — всё это великолепие, веками создававшееся человеческим гением, потрясло Александра. Он с головой погрузился в нечто неведомое, напроочь забыв о настоящем, земном. И тем тревожней были вернувшиеся к нему мысли о диверсантах, след которых не удавалось отыскать.

Гондольер, приняв монеты, помог ему ступить на берег, запруженный народом. Карнавал откроется именно здесь, на площади Святого Марка, в присутствии правящего дожа Альвизе Мочениго и высоких заграничных гостей. А началом его будет считаться та минута, когда циркачка на канате, подвешенном к колокольне, пролетит над толпой и осыплет ее конфетти. И сейчас, пройдя мимо красной гранитной колонны и очутившись на краю площади, он заметил, как на смотровой галерейке колокольни возились смельчаки, готовя опасный трюк. Крики и громкий говор собравшихся на площади мало пугали голубей, то и дело летающих с длинных крыш Дворца Дожей и тюрьмы на мостовую. Странное желание взглянуть наверх возникло бессознательно. Александр поднял голову и увидел на втором этаже Прокуратуры господина в широкополой шляпе, с мрачным лицом, обрамленным рыжими бакенбардами, который, в свою очередь, смотрел в сторону воздвигнутого на площади помоста театра дель Арте. Внешность этого человека показалась Зодичу

примечательной. Он остановился и, наблюдая за странным господином, стал перебирать в памяти всех, с кем когда-либо сходил или просто знакомился. Нет, пожалуй, он видел его впервые. Но почему его так интересовало довольно однообразное представление комедиантов?

Зодич, лавируя в толпе, не дождавшейся начала карнавала, направился в конец площади, к дощатой сцене. Но опоздал. Публика, наградив артистов аплодисментами и одобрителным свистом, уже расходилась. Традиционные персонажи спрятались за светлым матерчатым занавесом, расписанным под лес. Однако двое молодых матросов из зрителей задержались.

– У меня достаточно дукатов, чтобы купить ее на ночь! – хвастливо выкрикивал один, большеголовый и смуглый, как алжирец. – За такую женщину я готов отдать все свое жалованье и каравеллу в придачу!

– Да, она стоит этого. Но откуда у тебя каравелла, Джузеппе? – захохотал приятель, крепыш с длинными ручищами. – Ты пропил сегодня запасную пару башмаков. И наш хозяин будет страшно сердит на тебя за это и наверняка вычтет за них.

– Я никогда не видел такой хорошенькой Изабеллы². Не зря мы поверили капитану, знатоку женщин, и пришли сюда. Я хочу сейчас же познакомиться с красоткой! А если я сказал, дорогой Альберто, то так и сделаю, дьявол меня по-

² Изабелла – персонаж итальянского театра комедии, молодая влюбленная.

бери! — ожесточился «алжирец» и, покачиваясь, обогнул по-
мост и скрылся за кулисами. Вскоре оттуда послышался раз-
говор, сменившийся перепалкой, — сначала между женщи-
ной и Джузеппе, а после между ним и другим мужчиной.

Зодич с тревогой наблюдал. Между тем знакомство мат-
роса с артисткой, похоже, приобретало скандальный оборот.
Вдруг столбик, на котором был укреплен занавес, с треском
рухнул, и с помоста слетел комедиант в костюме Панталоне.
Александр увидел Джузеппе с разъяренной физиономией,
перепуганных комедиантов и ту, которой недавно восхища-
лись матросы. Молодая женщина, не успевшая снять грим, и
в гневе была необыкновенно хороша. Голова со светлыми ло-
конами была надменно отброшена назад, голубые глаза свер-
кали, стройная фигура приняла воинственное положение.

— Ты пойдешь со мной, кукла! Сегодня ты будешь моей, —
требовал хулиган, хватая ее за плечо. Артистка успела укло-
ниться и ударила его сжатым кулачком в грудь. Сопротивле-
ние еще сильнее раздражило Джузеппе. Он пьяно усмехнул-
ся и, вцепившись в рукав красотки, потянул ее к себе. Зо-
дич рванулся к помосту, но его опередил тот самый мужчи-
на в широкополой шляпе, что сверху наблюдал за площадью.
Мастерским кулачным ударом в челюсть он потряс Джузеппе.
Матрос ошалело попятился, едва переставляя ноги. Дру-
жок бросился ему на помощь. Судя по всему, этот Альбер-
то был чертовски силен. Далеко выбрасывая руки, он обру-
шился на защитника Изабеллы. По лицу господина потекла

кровь, и Александру пришлось поневоле ввязаться в драку. Правая сабельная рука его, безо всякого оружия, с одного раза сокрушила венецианца.

Поверженные матросы, посылая ругательства, удалились. И Зодич предстал перед трупной комедии дель Арте. Повременив, пока Изабелла вытрет с его лица кровь, незнакомец благодарно произнес:

– Так поступить, как вы, уважаемый синьор, мог только истинный мужчина. Не зная никого из нас, вы вступились за женщину. Примите мою глубочайшую признательность.

– Матка боска помогла нам... – сбивчиво заговорила артистка, с расплывшейся краской на веках. – Вы благородный человек. Я присоединяюсь к словам директора!

«Директора? Почему же он наблюдал издалека? Изучал площадь?» – удивленно подумал Зодич.

Красавица улыбнулась, и в больших синих глазах ее Александр уловил ласковый огонек.

– Надеюсь, синьор, мы сойдемся с вами ближе, – прибавила она, слегка покраснев.

Александр ответно улыбнулся и кивнул.

– С кем имею честь знакомиться? – тут же подхватил, ревниво хмурясь, директор.

– Клод Верден, барон.

– Пан Сикорский. Польский эмигрант, цирковой стрелок и устроитель комедийных представлений. А это – моя жена Люция.

Зодич краем глаза заметил, что артистка на эти слова иронично усмехнулась. Вышла заминка. Что-то в отношениях «четы» ему показалось странным. Сикорский понял затянувшееся молчание по-своему:

– Портреты Люции писали знаменитые художники. Но то было давно, когда мы жили в свободной Польше. Но час настанет, и мы вернемся домой. И оставим это несвойственное нам занятие смешить людей. Поляки не созданы для унижений. Впрочем... Вы на карнавал, мсье Клод?

– Да, мне давно хотелось побывать здесь.

– Осталось недолго, всего два дня. Я искренне приглашаю вас на наше представление. У нас есть чудесная придумка. Не так ли, Люция?

– Да, мне было бы приятно видеть вас, мсье, – проговорила актриса, пристально взглянув на нового знакомого. – Однако, если вам не нравится комедия, не смею вас неволить.

– Напротив, у нас есть свой французский театр комедии. Наша жизнь столь безрадостна и сурова, что душа требует забвения в веселье и смехе. В гостинице «Палаццо Белла», где я остановился, дни напролет пируют купцы и матросы, и мне это нравится. Счастливый человек не станет воевать или... убивать. Увы, в мире немало злоумышленников.

Сикорский бросил из-под полы шляпы настороженный взгляд, с излишней бравадой заметил:

– Первая заповедь Христа для людей верующих. Но на тех, кто совершает зло первым, она не распространяется. Де-

ло освобождения родной земли требует борьбы, вооруженной борьбы. Так что, мсье Клод, согласен с вами. Несчастный человек, как я, готов на все. Однако с чего бы это мы пустились в философию? Не лучше ли знакомство сбрызгнуть винцом? Я хочу угостить вас!

– Покорно благодарю. Но, к сожалению, у меня запланирована встреча. В другой раз не премину воспользоваться вашей любезностью, пан Сикорский.

Александр прощально кивнул, ловя напоследок пыливый, взволнованно-теплый взгляд прекрасной польки...

Той же ночью в Ливорно Зодич встретился с Христинеком и доложил ему о знакомстве с Сикорскими. Вдвоем они направились к начальнику охраны главнокомандующего – капитану Тарасову, который предложил тайным образом арестовать злоумышленников и вывезти морем в Петропавловскую крепость. Его слова сначала показались Александру верными. Но сомнение в том, что не одни Сикорские могут участвовать в покушении, тотчас озадачило. Да и не было уверенности в том, что это Ярошевский и Браницкая – аристократы, снизошедшие до положения шутов, чтобы участвовать в диверсии. Хотя уже в самом предположении скрывалась жертвенность, которая могла бы заставить забыть об их шляхетском происхождении. Зодич упорно искал выход. Во-первых, необходимо было встретиться с комедиантами еще раз, попытаться выяснить, кто же они на самом деле. Обнадеживало приглашение «пана директора» на спектакль в день открытия карнавала. Стало быть, они оба будут участниками спектакля? А кто же исполнит покушение? И мудреные загадки, и тревожные мысли нагромождались, мелькали, как в калейдоскопе...

За день до открытия карнавала его разбудил хозяин гостиницы и передал записку, которую, по его словам, принесла знакомая из уютного дома. На листочке по-французски

было начертано: «Жду вас в полдень в трактирии “Вилозо”. Люция». Вмиг его охватили и радость, и чувство тревоги! Это была либо западня (мог предупредить Манульский) либо...

Полька задержалась на полчаса, когда Зодич уже разуверился в ее истинном намерении встретиться. В трактирию красавица вошла вместе со служанкой-толстячкой, таранящей всех, кто попадался на пути. Лицо актрисы скрывала вуаль, но Александр сразу узнал ее высокую стройную фигуру. Извинившись, что опоздала, пани подняла вуаль, села на отодвинутый им стул и отпустила сопровождающую. Взгляд ее был ироничен и смел. Заговорила Люция по-польски:

– Мое время ограничено. За мной следят. Очевидно, вы не помните меня, Александр?

Зодич с недоумением улыбнулся, вглядываясь в лицо актрисы, но ответить не успел.

– Мы с отцом приезжали к вам в Петербург. Он и ваша матушка Ганна были родственниками, кажется, в третьем колене. Тогда я была девочкой и влюбилась в вас, молоденького офицера. Вы удивлены? И вероятно, все позабыли? Так, пан? Впрочем, об этом никто не знает, кроме меня. Вчера, по неосторожности, вас дважды выдал польский акцент. У меня абсолютный слух. Так что... Зовите меня, как прежде, Ядвигой!

Зодич выжидающе улыбался, но краем глаза поглядывал на дверь, ожидая внезапного нападения ее соотечественни-

ков. Признание этой загадочной красотки ошеломило его, человека опытного и, как говаривали лекари, «нервически крепкого». Впрочем, колебался конфидент всего миг. Разубеждать женщину, узнавшую его, было глупо.

– Да, вы правы. Меня зовут Александром, и я русский офицер. Но совершенно не помню тех дней, когда вы приезжали к нам...

– В вас, пан, течет шляхетская кровь! – вскрикнула полька – А служите нашим врагам... Об этом Сикорский узнал от пана Манульского, который прибыл вчера. Они сговорились вас прикончить. Но это – безумство и неоправданная жестокость... Я не могла не предупредить вас. Родственный долг обязует. Впрочем, мне пора. – Ядвига одним движением спрятала лицо под темной вуалью и поднялась. – Возможно, я прокляну себя за этот приход... Для меня нет ничего дороже Польши!

– Ответьте, пани, только на один вопрос! – вскрикнул Зодич, также вставая. – Ярошевский – ваш муж?

На сей раз от неожиданности замерла Ядвига и, помедлив, произнесла с вызовом:

– Вам, действительно, многое известно... Мужчине-рыцарю не подобает быть столь любопытным... Не провожайте!

Зодич любовался ее походкой, порывистой и легкой, пока полька не скользнула за дверь. А затем перевел взгляд на два чудесных бокала синего муранского стекла и на стоящий посреди стола такой же, искусно сделанный графин с вином.

Пожалуй, приход Ядвиги был действительно тайным...

* * *

Тот, кто впервые попадал на Венецианский карнавал, утрачивал на время обычное представление о мире, оказываясь в центре этого феерического зрелища. Вместо людей город наполнялся неведомыми существами, облаченными в «баутту» – черно-белый наряд, состоящий из светлой атласной маски, черного плаща, вуали, шляпы с серебряными галунами, блестящих туфель и белых шелковых чулок. Впрочем, этим одеянием празднующие не ограничивались. Экстравагантные костюмы потрясали воображение и венецианцев, склонных к изобретательности, и многочисленных гостей. Но сильнее всего поражала свобода в отношениях между костюмированными участниками карнавала. Каждый делал то, что ему хотелось. Не было предела ни в чревоугодии, ни в любовных утехах, ни в пирушках! Совершалось это открыто и без всякого стеснения, так что парочкам, прилюдно занимающимся любовью, поневоле приходилось выслушивать циничные советы и замечания. Невообразимый гам сотрясал город, уличные клоуны и канатные плясуны до изнеможения смешили прохожих, виночерпии не успевали разливать тосканское по кувшинам и бутылкам, а на площадях, где давал представление театр комедии дель Арте, протиснуться было невозможно, потому что места зрителя-

ми занимались заранее. Особенное столпотворение было в центре города, на площади Сан-Марко. Несмотря на то, что здесь находилась гвардия дожа Мочениго и гости-иностранцы, простой люд упрямо ломился, желая посмотреть представление заезжих комедиантов...

Александр в сопровождении двух матросов из охраны Орлова, одетых пиратами, пришел на площадь Сан-Марко часа через три после начала карнавала, но протиснуться к сцене оказалось весьма непросто. Тумаки, удары локтями, шиканье и брань захмелевших зрителей сыпались на него, пока они со спутниками пробирались вперед. Только вблизи сцены он заметил, что здание Прокуратуры прикрыто оцеплением из солдат, чтобы высокопоставленные особы могли свободно подходить к театральному помосту и наблюдать за зрелищем. Там, среди стоящих, Орлова, к счастью, не было. Глазели на выходки скупого Панталоне и занудливого Доктора, одетого в традиционный черный костюм с белым воротником, всего несколько костюмированных венецианцев и двое тощих англичан, судя по форме, морских офицеров. Узколицы, с козлиными бородами, чопорые, они и без карнавальных костюмов выглядели презабавно.

Александр сосредоточил взгляд на сцене. К играющим присоединился красавчик Бригелла, хитроумно разгадавший ловушку, в которую его хотели заманить два старика. Его реплики и шутки зрители воспринимали с одобрительными криками. Вдруг на сцену по-заячьи выскочил его слу-

га, Арлекин, в пестром лоскутном наряде и, корча рожи, бормоча несуразицу, забежал в наклонку по сцене. Дикий хохот накрыл площадь. «Где моя Изабелла?» – вскричал красавчик и тронул свои пышные усы. Арлекин метал петли, пока не сделал ловкий переворот через голову и не встал на ноги. На отработанный трюк публика ответила радостным оживлением. Бригелла повторил свой вопрос, и вновь дурашливый слуга ничего не ответил. Тут появилась Коломбина, служанка, с корзинкой фиалок, и Бригелла воспылал к ней страстью, разразился монологом влюбленного.

– Стоим уже час, – посетовала маска рядом с Александром, взглянув на Часовую башню, возвышающуюся над площадью. – Где же Изабелла? Она до сих пор не появлялась. Говорят, очень смазливая!

Спутник ответил циничным намеком и, засмеявшись, они двинулись прочь от сцены, проламывая дорогу крепкими руками.

Минул еще час. Встревоженный тем, что Ядвига не участвует в спектакле, Зодич терялся в догадках. Он был в полумаске и плаще, и узнать его было немудрено. А то, что за ним следили, Александр догадался еще вчера, когда подходил к своей гостинице. Вдруг кто-то тронул за плечо, он оглянулся и увидел девушку в голубой тунике, лицо которой скрывала маска.

– О, господин, с вами желает встретиться моя хозяйка! – голосом, полным чрезмерной ласки, сообщила римлянка. –

Она молода и божественно красива, и знакома вам.

– Знакома? – насторожился Александр, и невольно рука потянулась к поясу, где под плащом хранился кинжал.

– О, да! Это Ядвига. Следуйте за мной. Вы не пожалеете! Он сразу догадался, что девушка подослана. Кем? Неужели Ядвигой? Или тем, кому его пребывание в Венеции не даст покоя? Хотят увести с площади как раз в тот момент, когда может появиться свита Орлова-Чесменского. Впрочем, оставаться здесь также бесполезно, если участники заговора отсутствуют или скрываются под масками. Зодич оглянулся на своих спутников, «пираты» уловили его красноречивый взгляд.

Костюмированная римлянка провела его мимо Дворца Дожей, мимо тюрьмы к дальнему мосту, где свернула в сумрачную улочку. Пахнуло застоявшейся сыростью. Вода канала мелко зыбилась. Одолев еще один крутой мостик, они подошли к старому зданию, возле которого возвышался каменный колодец для сбора пресной воды. Судя по вывеске, здесь был приют для бедняков.

– Сюда, – указала, собираясь уходить, провожатая. – С вас денежка! А кто ждет вас – не мое дело!

Зодич протянул ей монету и, обернувшись, заметил невдалеке своих матросов.

Тяжелая дверь под рукой Александра, скрипнув, подавалась, и он очутился в темном коридорчике, соединенном с комнатой. В узкое окно едва проникал свет, его точно бы

не хватало в этом просторном помещении. И лица людей, вдруг представших перед ним, были бледны и расплывчаты. Он узнал всех: и мнимого Сикорского, и пана Манульского. «Цирковой стрелок» вскинул пистолет, как бы предупреждая малейшее движение вошедшего, с усмешкой заговорил по-французски:

– Мсье не ожидал такой встречи?

– Я не понимаю, господа, в чем дело? Вот и пан Манульский меня было заподозрил. Тоже хотел арестовать, – с резкой иронией возразил Александр.

– Вы хорошо владеете собой, милостивый государь, но... *Finita la comedia!*³

В запертую дверь, ведущую в соседнюю комнату, кто-то сильно постучал и раздался голос Ядвиги:

– Это не я! Они выследили...

– Вот как? – подхватил Зодич. – Стоит ли ревновать женщину, которая всего-навсего минуту беседовала с мужчиной, господин Сикорский?

– Когда наша венская патриотка передала, что вы интересуетесь поляками, направляющимися в Италию, мы еще не знали, с кем имеем дело. Но... Вы просчитались! Спасти Орлова уже не удастся! Человек из свиты Дожа предупредит, когда этот обжора встанет из-за стола и появится на площади. Мы достойно его встретим! В монету я попадаю с тридцати шагов.

³ Комедия окончена! (*итал.*)

– Жаль, я не прикончил тебя, подлый шпион, у себя дома! – заорал, выступив вперед, Манульский. – Ну, теперь не удерешь!

– Ждать некогда, мсье, – уже с открытой угрозой и нетерпением заговорил «стрелок», подлинный пан Ярошевский. – Я не убью вас при одном условии. Вы напишите согласие быть нашим агентом и перечислите всех, кто враждебен нам во Франции. Кто выдал нас. Отвечайте.

Ярошевский вскинул пистолет выше, показывая, что готов выстрелить.

В этот момент дверь с грохотом открылась, выбитая ударом Ядвиги, и она с подлокотником в руках влетела на середину комнаты.

– Ай да ясновельможная пани! Вы ради этого паршивого русского шпиона готовы ломать двери и кресла? – с издевкой выкрикнул Манульский. – Опомнитесь! Пся крев!

Вид Ядвиги был безрассудно ожесточенный. В глазах таилась безоглядная решимость. Лицо пылало гневом. Но, как на пропасть! – красота этой женщины завораживала даже в эту минуту...

Ядвига кошкой метнулась вперед, заслоняя Зодича, выкрикнула:

– Нех пан утьека!⁴

Грянул выстрел, зазвенело разбитое пулей оконное стекло, реакция Ярошевского была мгновенной. Он растерян-

⁴ Убегай, господин! (польск.)

но вскрикнул. Александр, метнувшись к входной двери, заметил, как обмякло упругое женское тело, как бесчувственно завалилась голова Ядвиги. На выстрел влетели «пираты». Драка была скоротечной. Сбитые на пол и связанные поляки остались под присмотром одного из матросов, а второй отправился нанимать лодку, чтобы доставить «пьяных господ» на русское судно, вставшее вблизи бухты...

Зодич бросился, держа раненую на руках, к дому доктора, указанному на карнавальной улице. Ядвига не приходила в сознание, хотя кровотечение ослабло после того, как он перевязал ее, разорвав свой плащ. Он бежал среди всеобщей радости и проказ, среди яркого мишурного блеска, хмельного многолюдства. Спешил, моля Бога спасти женщину, благодаря которой сам остался жив. Так истово он давно не обращался к Спасителю, потеря человека не представлялась ему такой нелепой, хотя он мало знал об этой польке, воспринимаемой заговорщицей. Теперь уже как о свершенном думалось о поимке злоумышленников. Обоих панов доставят на корабль главнокомандующего, и суд будет суров...

Доктор, достаточно молодой и хваткий болонец (его выдавал диалект), узнав, что произошло, обследовал раненую и неотложно провел операцию. Ядвиге повезло: пуля, пройдя навылет, не задела крупные сосуды. В сознание, как заверил эскулап, мадам вернется через несколько часов. К тому же, получив денег больше, чем потребовал, он угодливо предложил «мсье Вердену» оставить пациентку до выздоровления

у себя под присмотром.

Ночью, при свече, Ядвига открыла глаза и по-польски попросила пить. Зодич, помня запрет доктора, только смочил ей из ложки губы. Со страхом и удивлением посмотрела полька на лицо Александра, склонившееся над ней.

– Кто вы есть?

– Ваш друг.

– А-а... Пан шпион? – узнав, с огорчением произнесла полька.

– Нет, пан друг.

– Я натворила лиха... Что с Яцеком и Тадеушем?

– Они в очень надежном месте.

– Я так не хотела ехать сюда, в Венецию. Нет ничего унизительней, чем развлекать публику, случайный сброд... Они заставили, чтобы я отомстила за погибшего мужа... И вот что...

– Вы спасли мне жизнь. Почему?

– Не ведаю. Может, на миг вспомнился муж... Вас ведь тоже любят...

– Я повстречал вас. И прошлое уже не имеет значения.

Пальцы Ядвиги зашевелились, она слабо приподняла руку и погладила его ладонь, протянутую навстречу...

С того дня, когда узнала о поимке Пугачева, Екатерина не могла четко определить степень своего участия в решении судьбы злодея и его приспешников. Всякий раз, получая письма от Вольтера, Гримма или Дидро, она невольно настраивалась на их образ мышления. Сии мудрецы не были отъявленными богомолами, даже отличались атеистическими воззрениями. И все же удачу, сопутствующую ей в последний год, императрица восприняла как промысел Божий. Война с Турцией опустошила государственную казну. Рекрутские наборы вымели крестьян из деревень и селений, приведя хлебопашество в упадок. И мор чумной, и голод, и безжалостное обращение помещиков с крепостными – все это делало ее народ несчастным. Она с благими намерениями пыталась отменить рабство, принять закон, дающий крестьянам волю. Показывая пример решимости, Екатерина Алексеевна выкупала крепостной люд и переводила в мещанство. Но сановная знать и дворянство этим реформам рьяно воспротивились. Россия – не Европа, здесь, дескать, либеральничать опасно... Вот и стал бунт дикого козака Емельки Пугачева расплатой за всё зло, причиненное черни этими упрямыми, за варварское к ней отношение.

Целый год длилось это дьявольское, по своей необузданности и жестокости, испытание. Пик его точно совпал с при-

ездом в Петербург Дидро. В первое время она беседовала с приятелем ежедневно, касаясь разнообразных тем, обсуждая международную обстановку, ситуацию в Польше и пути заключения мира с Портой. Дидро заводил речь о преобразованиях в России. Она внимала философу, а сама думала о том, где найти войсковой резерв для усиления отрядов, посланных на пресечение сполоха яицких козаков. Казалось невероятным, что они, многократно приезжавшие к ней с челобитными, поступили предательски, присягнув жестокому разбойнику и объявив, что он – истинный царь Петр III! Еще невероятней, что эта бесстыдная ложь эхом разлетелась по Яику, Волге и Уралу. В это же время в Европе – новая напасть! Вдруг объявилась лжедочь покойной государыни Елизаветы Петровны, также претендующая на царский трон! И эти две самозванные, точно из преисподней возникшие тени вызывали в стране, принадлежащей ей, вольнодумство и злоумышленное брожение умов. Как можно было в этих условиях проводить реформы?

Вот и сейчас, в декабре, три месяца спустя после пленения вора Пугачева, когда преступления его расследованы, а сам он доставлен в Москву и допрошен статс-секретарем Тайной экспедиции Шешковским, Екатерина избегала поставить точку в приговоре злоумышленникам. В том, что зачинщик смуты должен быть казнен, ни у кого сомнений не было. Иное дело, что совершено должно быть не убийство, а на поучение народа – казнь! Возмездие – торжество спра-

ведливости и веление Божие...

Этим утром императрица не могла унять меланхолию. За окнами пропархивали снежинки, местами они прилеплялись к стеклу, рисуя причудливые узорцы. А мысли настойчиво обращались к тому, что завершается год, и молодость ее отступает все дальше, а душа чувствует глубже, страсти обретают неведомый прежде накал, и хочется быть с «Гришулечкой», с «милюшей» бездумной и покорной, и бесконечно любимой. И всеми поступками, признаниями ее рыцарь это подтверждает. И как будто бы нет причин для сомнений, но она слишком искушена, чтобы не знать быстротечности всего: и любви, и славы, и жизни...

Обер-камердинер подал на серебряном подносе записку, и по ее форме, по лоску желтоватой бумаги Екатерина поняла, что она от «милюши». Потемкин захворал горячкой еще в начале декабря, полторы недели назад, и как ни старался придворный врач Иван Кельхен излечить Григория Александровича, тот по-прежнему оставался слаб и не покидал своих покоев. А с ним необходимо было посоветоваться, поскольку следственные действия по делу Пугачевского мятежа были окончены, и руководивший ими Павел Потемкин привез материалы. Необходимо было обнародовать ее Манифест о мятеже, определить состав суда и обоснование приговора. Недуг «тайного супруга» смешал планы Екатерины, которая собственной рукой набросала проект, или, по ее определению, «мотивы» Манифеста. Дни ожидания, слава богу,

завершились. «Сударка» написал, что чувствует себя сносно!

Екатерина быстро взяла ручку, макнула ее в чернильницу и стала строчить ответ: «Батинька, мой друг. Грустно до бесконечности, что ты недомогаешь. Чрез час или менее пришлю я мотивы к Манифесту и прошу тебя, буде нетрудно, оных прочесть. И буде ими доволен, то вручи их Преосвященному, дабы сочинил Манифест». Екатерина остановилась, взвешивая, насколько правильно ее решение доверить окончательную редакцию документа архиепископу Гавриилу. Пастырь Санкт-Петербургский и Ревельский был в тесных отношениях с Потемкиным, отличался человеколюбием и благонаравием. Его слово будет иметь должный отклик и среди духовенства, и среди влиятельных людей...

Отослав весточку «Гришёнку», императрица еще раз принялась читать проект Манифеста. Начало было общепринятым для царских обращений:

«Объявляем во всенародное известие. Всему свету ведомо есть и многими опытами дел наших повсюду доказано, что мы, приняв от промысла Божия самодержавную власть Всероссийской империи, главнейшим правилом в царствование наше положили пещись о благосостоянии вверенных нам от Всевышнего верноподданных, по намерениям и в угодность подателя всякого блага, творца, несмотря ни на какой род препятствия. Мы жизнь нашу посвятили тому, чтоб доставить в империи нашей живущим всякого состояния лю-

дям мирное и безмятежное житие. Для того мы непрерывный труд прилагаем к утверждению христианского благочестия, к поправлению законов гражданских, к воспитанию юношества, к пресечению несправедливости и пороков, к искоренению притеснений, лихомании и взятков, к умалению праздности и нерадения к должностям».

Екатерина скользнула взглядом ниже, пропустив абзац о заключении мира с Портою, и вновь сосредоточилась:

«...Видя единственное стремление ума нашего довести империю делами подобными до высшей степени благосостояния, кто не будет иметь праведного омерзения к тем внутренним врагам отечественного покоя, которые выступя из послушания всякого рода, дерзали, во-первых, поднять оружие против законной власти, пристали к известному бунтовщику и самозванцу донскому козаку Емельке Пугачеву, а потом обще с ним чрез целый год производили лютейшие варварства в губерниях Оренбургской, Казанской, Нижегородской и Астраханской, истребляя огнем церкви Божии, грады и селения, грабя святых мест и всяческого рода имущества и поражая мечом разными ими вымышленными мучениями и убийством священнослужителей и состояния вышнего и нижнего обоего пола людей, даже и до невинных младенцев».

Далее шла речь о преступлениях пугачевской шайки. О том, что следствие завершено, и она направляет его выводы в Сенат, «повелевая купно с синодскими членами, в Москве

находящимися, призвав первых трех классов персон с президентами всех коллегий, выслушать оное от помянутых присутствующих в Тайной экспедиции, яко производителей сего следствия, и учинить в силу государственных законов определение и решительную сентенцию по всем ими содеянным преступлениям против империи, к безопасности личныя человеческого рода и имущества».

Подкатившая тошнота заставила вспомнить её, что беременна. Это обстоятельство, открывшееся совсем недавно, ничуть не огорчило. Любовь к «Гришуличке» была, точно в юности, сильна и безоглядна. Будущее материнство, безусловно, затруднит проведение задуманного в середине лета празднества в Москве в годовщину мира с Турцией. Но это ее сейчас не занимало. Перст Божий видела она и в том, что после родов ребенка предстоит отъять и скрыть, и в том, что обязанности императрицы диктуют образ жизни. И лишь ей ведомо, как тяжело быть в двух лицах – женщиной и государыней, как противоречивы бывают чувства и помыслы. Но покамест ей удастся покоряться рассудку, который всегда оказывался прочней любой страсти.

И, вернувшись к Манифесту, окинув взглядом исписанный лист, Екатерина добавила:

«Касающиеся же до оскорблений нашего величества, мы, презирая, предаем оные вечному забвению: ибо сии вины суть единственно те, в коих при сем случае милосердие и человеколюбие наше обыкновенное место иметь может...»

И в течение всего дня, принимая доклады и подписывая подготовленные статс-секретарями документы, выслушивая обер-полицмейстера Чичерина о происшествиях за последние сутки, беседуя с президентом Коллегии экономии Хитрово и правителем дел Высочайшего Совета Стрекаловым, с президентом коммерц-коллегии Минихом, Екатерина не могла отрешиться от необоримого чувства одиночества. Идти в апартаменты Потемкина ей было непозволительно как царице. А знать, что «милюша» рядом, но не видеть его, не видеть больше недели – мука мученическая!

Под вечер разыгралась выюга. Вой ветра, снежные нахлесты наполнили дворец причудливым шумом и отголосками. Постный ужин Екатерина разделила только с Марией Саввишной. Верная и незаменимая ее заботница, камер-юнгфера, составила пару и при раскладке пасьянса. Императрица была рассеянна и, быстро заскучав, смешала карты.

– Уж не больны ли вы, матушка Екатерина Алексеевна? – участливо спросила Мария Саввишна, подшибаясь рукой и кладя на нее круглый подбородок. – Не приказать ли заварить чабрецу?

– Волнительно невесть почему. Покидают меня соратники, люди проверенные. В августе Захар Чернышев оставил Военную коллегию. Теперь – вице-канцлер Голицын подал в отставку. За ним – трое из братьев Орловых. Владимир отказался директорствовать в Академии наук. Григорий Григорьевич уезжает за границу. Федор тоже просится с государ-

ственной службы. Да и Алехан, как только вернется из Италии, поступит точно так же.

– Никуда, ваше величество, не денешься! Одни стареют, другие им на смену встают. Чай, не бедна наша Россия достойными людьми.

– Человек может быть достойным, но в намерениях своих предерзок, злоумышлен. Делами ставит он себя! Я в эту сенцию смолоду уверовала. И при дворе тшусь отмечать тех, кто не ради выгоды собственной, а блага всеобщего радеет и служит. Вот возьми хоть этого злодея, маркиза Пугачева! Он – донской козак. Воевал в Пруссии. А посмел отречься от всего святого, от традиций предков и самозванно поднял бунт. И у него нашлось великое множество приспешников, убийц и грабителей. Донские козаки – храбрейшие наши воины. Но зело норовисты и самолюбивы! Недаром нами поручено графу Потемкину привести все козачьи войска в соответствие армейским артикулам... Я, пожалуй, снова разложу пасьянс. А ты, голубушка, сделай милость, передай через адъютанта записочку Григорию Александровичу!

Перекусихина, дородная рязанская дворянка, расторопно поднялась и бабочкой порхнула к двери.

Донская зима-разгульница недолго кроила свои кружева и серебром шитые наряды! Во хмелю морозном и румянце, в летучих юбках выюжных да переливчатых бусинах-льдинках, пожаловала она в Черкасск аккурат к Николину дню, к самому что ни на есть дорогому праздничку козачьему!

Весь войсковой Воскресенский собор – от алтаря до входа – озарен свечками и полон православным людом. На кого же и уповать ему, как не на Миколу-Угодника, заступника в боях лютых и в тщете мирской? Так велось на Дону исстари.

Сотник Ремезов отстоял Всенощную, обращаясь в помыслах ко Вседержителю и Николаю Чудотворцу. «Избави нас, угодниче Христов, от зол, находящихся нас, и укроти волны страстей и бед, возрастающих на нас, да ради святых твоих молитв, не обымет нас напасть, и не погрязнем в пучине греховней и в тине страстей наших, – шептал Леонтий, осеняясь крестным знамением. – Моли, святителю Николай, Христа Бога нашего, да подаст нам мирное житие и оставление грехов, душам же нашим спасение!»

Эти последние слова молитвы были особенно волнительны. С осени его Платовский полк находился в родном краю «на льготе», ожидая нового похода. Леонтий незаметно прирастал к дому, привыкал к простым нуждам и хлопотам, к тому, что рядом была любимая Мерджан. Но «мирное житие»

в любой час могло прерваться призывом в полк! Тревожные вести доходили с Кавказа, где все чаще бесчинствовали горские отряды, и с крымской стороны, объята междоусобицей. По всему турки, хотя и подписали мирный трактат, но поползновений на господство в Крыму не оставляли...

Временами от спертого воздуха, от тесноты, от монотонного тенорка дьячка, читавшего Святое Писание, клонило в дрему, и Леонтий, преодолевая ее, думал о матери, слешей третьего дня, о брюхатой своей женушке, о святом и мелочном, причудливо перемешанном в такой непредсказуемой жизни.

Но вот с чарующей силой подхватывал молитвенный распев хор, слаженностью голосов трогая до слез, – и душа радостно светлела. И чудилось присутствие в храме Господа и святого Угодника, внемлющих и сострадающих. Взгляд, привыкший к полумраку, в эту минуту точно становился острей. И Леонтий снова вглядывался в лики святых на высоком пятиярусном иконостасе. Позолотой отливали на фоне беленых стен колонны, как бы сплетенные из виноградных лоз, которые, ветвясь, дивно увивали образа. Пред Божьей ратью, каждый в свой час, уже предстали его предки, батюшка Илья Денисович, многие однополчане. Но коль козак ты плоть от плоти, и крепки в душе дух ратный и вера христианская, нет иного пути, как жить и помереть заради Дона и Державы Российской.

Сердце вздрагивало, когда бас священника покрывал хор

певчих и, колебля огоньки свеч и лампад, раскатисто расшибался о стены. Козаки переглядывались: экий голосина! Улыбался и Леонтий: все здесь было с детства знакомо, полно особого смысла и непознаваемой тайны, все говорило о скоротечности пребывания в юдоли земной...

Наконец священник громоподобно и протяжно воспел «аллилуйя». Богомольцы задвигались. После короткой проповеди батюшки толпа поднаперла, подалась наружу.

На паперти Леонтий столкнулся с Касьяном Нартовым, урядником из его сотни. Крутоплечий, синеглазый козачина в последнее время оказывал знаки внимания Марфуше. Да и сестре, как догадывался Леонтий, ухарь был по нраву.

– С праздником, господин сотник! – выпалил Касьян, встряхнув чубатой головой. – Добра да хлеба во двор!

– И тебе того ж! – улыбнулся Леонтий. – Почему без шапки? Никак пропил?

– Обменял на волкобой⁵. Айда в завтрашний день на гульбу! Ишо назовем с десятка гулебщиков⁶ и серых замордуем. Слыхал, наш платовский полк снова отправляют на борьбу с бунтовщиками. Кудысь в Рассею. Хоть напоследки позабавимся!

– Давай на другой день. Завтра поп с причтом будет курени обходить. Положено дома находиться.

– Нехай будет по-твоему. Только ты, Леонтий, на своем

⁵ Волкобой (донск.) – плеть с тяжелым свинцовым шаром на конце.

⁶ Гулебщик (донск.) – охотник.

краю ишо ребят набери. Амором охотиться ловчей... А иде ж Марфа Ильинична?

– Да вот гляжу. Должны они с Мерджан к тому дубу, что наспроть ворот церковных, прийти.

Парень кивнул и ветром слетел со ступеней.

Позднее декабрьское утро только входило в силу, а с дальних и ближних улиц, с раскатов уже валила к соборному майдану веселая молодежь, стекались малороссы и крещеные калмыки. Вслед за ними, согласно традиции, появились особы старшинского разряда в шубах с собольими воротниками, купцы, строголикие староверы-бородачи, бабы мужние и вдовушки, за которыми хвостиками вязалась детвора.

Леонтий, приплясывая от мороза, ждал и с интересом оглядывал майдан. Все его пространство было уставлено сбитыми на скорую руку лавками и палатками. Торговые люди, точно постовые, не покидали мест, зазывали покупателей. Чего только не сыщешь в рядах! И шали с кистями, и зеркала, и диковинные самоцветные украшения для прелестниц, и домашняя утварь, и одежда на любой вкус, – от кафтанов до шелковых тирасок! А козаков манит кубачинское и турецкое оружие: убойные ружья, шашечки-молнии да кинжалы с наборными рукоятями. В сторонке – провиантские ряды. Здесь свежесть снега мешается с запахами пшеничных булок и копченого сала, яблок, неведомых заморских фруктов, привезенных персом. Солнце встало уже в полдуба, а этот смуглый горемыка, закутанный поверх чал-

мы шерстяным полушалком, в толстой бурке и рукавицах, так продрог, что лишь таращит свои темные глазищи и, едва шевеля посиневшими губами, по-кочетиному выкрикивает:
– Алимон! Карош-карош... Алимо-он!

Черкасцы берут в руки и с любопытством разглядывают эти округлые ярко-желтые плоды, много раз нюхают. Аромат приятственный. Но нет! Не хвалят «алимон» в городке, кислые до оскомины. Одна только расфуфыренная краля, женка полковничья, не пожалела медяков, твердя во всеуслышание, что нет средства верней супротив клопов!

Покупки делали к Рождеству. Потому выбор снеди, несмотря на пост, был богат: окорока, бараньи ноги, вяленая белорыбица, осетрина, отливающая на солнце слитком золота. Немало бочек и бочонков со свежей, точно инеем подернутой паюсной икрой. Ее охотно козаки берут, подставляя глиняные миски, и – к питейщикам! Очередь там – на полверсты. Виноторговцы, толстомясые мужички, черпаками разливают, жалея каждую каплю, бражку, многолетние меды, сивуху. У прилавка – гомон и толкотня, захмелевшие бражники подходят «налить вдругорядь», их не пускают, костерят те, кто трезв. Питейщики, сохраняя полную невозмутимость, берут деньги из рук, отпускают зелье по оплате, – кому в чарку, кому в кувшин, а кому и в ведро!

За всем этим орлиным взором наблюдает их хозяин, владелец винокурни. Дородный, с бородой-лопатой, воронежский прасол возбужден и доволен тем, как идет продажа.

Недаром, стало быть, «барашка в кармашке» сунул писарю войскового правления, пособившему получить разрешение на торговлю. Время от времени этот заезжий красавец в медвежьей шубе и шапке крестится на все девять глав величественного храма, щурясь от блеска золоченых крестов, вступает в беседы с хорошенькими козачками, гуляя по майдану. Его мучит жажда после вчерашнего застолья у писаря. Но нет нигде, даже в харчевне, привычного с пеленок кваса либо пива. Не жалуют эти «расейские» напитки козаки, и духу не терпят! Видно, остается только хлебнуть рассола из бочки с огурцами, которые продает тут же, на отшибе, шельмоглазый дядька в тулупе и остроконечной запорожской «макитре»...

Цветастые шали Мерджан и Марфуши угадал Леонтий издали и, не мешкая, зашагал навстречу. Приодетые в азиямы из верблюжьей шерсти, сшитые и украшенные аграмантом собственными руками, обе были высоки и красивы и невольно притягивали улыбчивые взгляды. Леонтий очень не любил, когда на жену пялился кто-либо из козаков. На сей раз, к счастью, ничто не омрачало праздничного настроения.

Вначале он угостил своих барышень пряниками и лучеными орехами, затем повел их на пустырь за церковью, где под балалайку молодежь водила хоровод, выступали скоморохи и жалобно цугикала⁷ шарманка. Тут же, на отшибе, стояли крытые кибитки ногайцев, торгующих верблюжьей шерстью. Марфуша потащила в хоровод Мерджан, но та шарах-

⁷ Цугикать (донск.) – играть.

нулась, одичало сверкнула глазами:

– Что ты! Я не чета тебе, незамужней! Лучше подойду к своим. Может, выберу шерсть...

Леонтий хотел последовать за женой, но сестра подхватила его под руку и, смеясь, повлекла в круг подружек. Девушки, одна другой краше, враскачку проходили мимо красавца-сотника и он, как полагалось в хороводе, приветствуя, каждой отвешивал головой поклоны. Мерджан почему-то задержалась у кибиток, а когда вернулась к вышедшему из веселой круговерти мужу, на глазах ее блеснули слезы.

– Что с тобой, сладушка? – забеспокоился Леонтий. – Тебя обидели?

Мерджан попыталась улыбнуться и отвела глаза:

– Нет, меня очень тронула музыка шарманки. Такая жалобная и ласковая...

Леонтий с недоверием посмотрел на жену, поняв, что она чем-то опечалена, что-то не договаривает...

Полдень выстоялся погожий, тихий, с раскрытым бирюзовым небом.

Мерджан шла под руку с любимым и, задумавшись, шурилась от многоснежья, от частокола сосулеск вдоль застрех куреней, горящих под солнцем. С каждым часом разгулье крепло, – рекой лилось вино, под балалайки и бандуры затевались плясы-переплясы да песни, а они были вдвоем, вдвоем в этом еще непознанном ею козачьем мире. Но сейчас, как замечал Леонтий, жена была иной, чем в предыдущие дни, –

встревоженной и молчаливой. После Рождества они должны были обвенчаться. Предстоящие церковные обряды, вероятно, вызывали у Мерджан волнение. А беременность переносила она нетрудно, — только пристрастилась грызть куски мела. Леонтий не стал допытываться, зная, что любимая сама ему расскажет обо всем...

Завернули к прибрежному выгону посмотреть старинную козачью игру. На рамке, сделанной из жердей, висело железное кольцо величиной примерно в один ручной обхват. Дюжина молодых козачков, разгоня лошадей, на полном скаку должны были пробросить пику сквозь это кольцо так, чтобы не зазвенел привязанный к нему колокольчик. Ухари сменяли друг друга, старательно метились и попадали, но трехаршинная пика то и дело цеплялась задним концом, рассыпая веселое треньканье.

— Дюжей надо метать! — наблюдая, взволнованно пояснял Леонтий жене. — Чтоб летела пика, как пуля. Я раньше тоже участвовал. Вот, кажется, простое занятие. А попробуй, пади!

Поодаль, в тылу собора, собиралась толпа глазеть на кулачный бой. Добровольцы-драчуны кучковались вокруг судьи, есаула Браткова. Леонтий, приметив однополчан, не сдержался. Несмотря на отговоры жены, повел туда, сбросил ей на руки новехонький бешмет и шапку и подался к своим.

Платовцам и примкнувшим к ним отчаюгам противостояли козаки Рыковской станицы и Алексеевского бастиона.

Среди них были батарейцы, изрядно понянчившие ядра и на своих руках потаскавшие мортиры. Да и кулачищи у них в самом деле походили на чугунные шары. Три года подряд побивали они супротивников на праздниках.

Носком сапога подручный Браткова, лихой козачок, прочертил по снежному насту межу. А сам есаул, дав команду бойцам разойтись, с одной и с другой стороны воткнул по флажку. Гурьбе Леонтия достался синий, а батарейцам – алый. Победителями становились те, кто переносил флажок противника на свою делянку.

– Сходись! – гаркнул Братков, выкатив глаза и шевельнув порыжелыми от курева усищами.

Мерджан в первый раз видела, как две ватаги козачков, только что дружески перешучивавшиеся между собою, бросились в драку. Под возгласы и грозные крики замелькали кулаки! В ратоборство вступали попарно. Поначалу сторонники Леонтия, удерживая «стенку», отмахивались от пушкарей. Но те, войдя в азарт, изломали порядки платовцев и потеснили назад. Вот уже двое приятелей Леонтия сели на снег, закрывая ладонями разбитые лица. Вот и самого его, искусного кулачника, с двух рук проворно «метелит» козак с бастиона, рослый и по-медвежьи сутулый. Верхняя губа Леонтия разбита, нос распух, но дерется он по-прежнему упорно, уворачиваясь и ответно осыпая батарейца тумачами. И вдруг могучий верзила, пропустив удар Леонтия, дернул головой и закачался по-пьяному, пошел вбок и припал на колено...

Мерджан, которую так тянуло кинуться мужу на выручку, выкрикнула и прицокнула языком. Но мужа тут же высмотрел знаменитый боец Василь Метла, уже успевший также уложить первого противника. Василь неказист, но шея у него, как у быка, а ручищи вроде кузнечных щипцов. Случалось, на спор разгибал он подковы... Разок пропустил Леонтий его выпад, второй. И как-то обмяк, точно опору потерял. Мерджан, объятая гневом, швырнула на землю все, что было в руках, и кинулась к мужу. В мгновение донесли ее быстрые ноги к дерущимся. С ходу налетела на Василя, вцепилась рукой в его оттопыренное ухо. Ахнув от неожиданной боли, станичник скосил голову и не поверил глазам: на него напала... баба! От боли он отмахнулся локтем, толкнул ногоянку в грудь. Леонтий задохнулся от ярости. И, увидев в его глазах безумный блеск, Василь, этот непобедимый кулачник, попятился...

Между тем платовцы, дав противнику поразрешить силы, перешли в наступ. Бой затягивался. Есаул Братков и старики-судьи теряли терпение: давно были приготовлены бочка полтавской горилки и жбан с квашеной капустой. Тут и смекнул дед Филимон, сам рыковский станичник, что платовцам надлежит присудить поражение, так как на их позицию выбегала баба и чинила супротивникам ущерб. Его поддержали бородатые старшины. Есаул рявкнул: «Разбороняйся!» Однако унять кулачников было не так-то просто: и разойдясь, они задевали друг друга, сулились «возвернуть дол-

жок». Братков громогласно объявил решение судей. И Метла, в знак справедливости такого решения, всем продемонстрировал свое надорванное ухо.

Мерджан очень огорчилась, когда победу присудили противникам Леонтия. Она виновата. Хотя и не знала совсем, что существуют такие правила. Но Леонтий ее успокоил: каждый раз судьи решают по-своему, и никаких особых правил вовсе не существует. Она немного постояла в сторонке, наблюдая, как муж с козаками делил «чашу круговую». А затем куда-то ушла...

Козаки гулеванили, пили столько, сколько каждый мог. Славно потешились, разукрасили друг друга до неузнаваемости – ни один день придется отлеживаться на печи. Это пройдет, а дух боевой, смелость и навыки рукопашной – останутся!

Смеркалось по-зимнему быстро. Стало студено. Леонтий, подумав, что жена уже дома, шел к своему куреню, обессиленный и захмелевший, улыбаясь и пытаясь петь, шлепая непослушными разбитыми губами...

В курене Мерджан не оказалось. Она вообще не приходила, хотя предупредила Леонтия, чтобы не задерживался. Он неспроста встревожился. Хмель как рукой сняло. Поднятые по тревоге козаки его сотни расторопно обошли курени, где у тумок⁸ или чиберок могла загоститься ногаянка. Но никто ее не видел и не знал, где она может быть. Тут только по-

⁸ Тумка (донск.) – женщина из татарского рода.

нял Леонтий, что жену могли подкараулить и увести ногойцы, не простившие того, что приняла крещение и наречена христианским именем Мария. Два конных отряда направились в разные стороны, надеясь настичь кибитки злоумышленников. Но, как назло, повалил снег. И за час так замело зимник, что он даже для коня стал непроходимым. Козаки разъезда, в котором был Леонтий, стали вразумлять его, что надо возвращаться. Он наотрез отказался и в одиночку погнал свою лошадь в морозную выюжную ночь. Односумы с трудом его догнали и, связав, привезли домой.

След Мерджан затерялся...

Кючук-Кайнарджийский трактат, заключенный в июле текущего, одна тысяча семьсот семьдесят четвертого года, положил конец военному противостоянию России и Османской империи, обозначил границы и условия международных отношений, но отнюдь не гарантировал дальнейшего покоя. Более того, составленный на трех языках: русском, турецком и итальянском, он у каждой стороны вызывал свое собственное истолкование, что приводило к спорам и путанице. Австрийский посланник Тугут считал даже, что благодаря уловкам в тексте русские одурачили Абдул-Гамида.

Надо полагать, австриец заблуждался. Турецкого султана совсем не интересовали стилистические тонкости текста. Он всячески оттягивал государственное признание соглашения с русской царицей, обязывающего выплатить огромную контрибуцию. Он правил Портой всего полгода, и то, что его приход к власти начался с поражения в войне, больно ранило самолюбие Абдул-Гамида. В минуты откровения он говорил единомышленникам, что с Россией заключен не мир, а всего лишь перемирие. И надо было всеми мерами готовиться к реваншу, к возврату черноморских крепостей и Крыма, к завоеванию Кубани и Кабарды. Для этого, прежде всего, требовался флот, восстановление которого займет несколько лет. Да и деморализованная его армия требовала обновления

и перевооружения. Исход сражений решали пушки и огнестрельное оружие. В этом европейцы превосходили султана. А ближайшей целью Абдул-Гамид выбрал Кубань и Кабарду, чтобы военный пожар, зажженный горцами, не только ослабил Россию, но и перекинулся в Крым. Благо русско-турецкая граница шла по реке Кубань, и на левобережной стороне могли скрываться племена и отряды, враждебно настроенные против Екатерины. Поднял дух султана и приезд в Константинополь татарской делегации, обратившейся к нему с нижайшей просьбой вновь взять покровительство над Крымским ханством, простирая на народ его не только власть халифа всех магометан, но и государственную. Русский представитель при дворе султана, полковник Петерсон, требовал высылки мятежных татар, выполняя указания императрицы, но турецкие власти чего-то выжидали...

* * *

Евдоким Алексеевич Щербинин, получив обстоятельный ордер из Иностранной коллегии, отставил все дела вверенной ему Слободской губернии и выехал из Харькова в ногайские кочевья. Ранняя в этом году объявилась зимушка на юге! Высокие снега искрились по всей приазовской равнине. И хотя путь пролегал по наезженному тракту, охранение губернатора было усилено полусотней козаков. Ехал он не с пустыми руками, а с целым мешком денег. Рекрипт импе-

ратрицы от 12 ноября повелевал начать действия по отделению Кубани от Крыма. Предполагалось создать Татарскую область, или Ногайское ханство. Это соединило бы все орды, переселившиеся из Бессарабии и отказавшиеся подчиняться крымскому хану. Но как их соединить, постоянно между собой враждующих, нарушающих договоры и присяги?

В Ейском укреплении Евдокима Алексеевича ждал подполковник, представитель России при ногайских ордах Стремоухов. Он уведомил о том, что Шагин-Гирей и Джан Мамбет-бей, как требовала депеша, предупреждены и явятся по первому требованию. Щербинину отвели натопленное помещение приставства, а его свита его и конвой расположились в караулках и палатках вместе с солдатами гарнизона.

Утром на переговоры прибыли правитель едисанцев и буджаков Джан-Мамбет-бей и новый ногайский сераскир Шагин-Гирей. В комнату высокого русского посланника, им хорошо знакомого, они вошли порознь. И это не осталось незамеченным Евдокимом Алексеевичем. Он переглянулся со своим секретарем и переводчиком Андреем Дементьевым. Стало ясно: разговор предстоит непростой!

– Я рад приветствовать ваше высокопревосходительство, – улыбаясь во все лицо, произнес Шагин-Гирей. – Вы многое сделали для моего народа, да не оставит вас милость Аллаха!

Шагин-Гирей, сполна вкусивший мед и яд власти, в двадцать лет назначенный дядей, Керим-Гиреем, ногайским се-

раскиром, ныне вновь занимал эту высшую военную должность. Но, судя по его усталому виду и холодному выражению глаз, проблем у ставленника русской императрицы снова было предостаточно.

А Джан-Мамбет, заметно одряхлевший и морщинистый, напротив, был разговорчив и спокоен. Только больше прежнего шурился, вероятно, слабели глаза. На нем щетинилась, во весь рост, просторная волчья шуба, скрывающая ноги. И хотя в приставстве топили печь, ногаец не снял ни одежды, ни лисьего малахая.

– Я прибыл к вам, достопочтенные ногайские вожди, по поручению всемилостивейшей государыни Екатерины Алексеевны. Новые обстоятельства... – Щербинин умолк и проговорил внушительней: – Новые обстоятельства, открывшиеся нам в последнее время, связаны с будущностью дружественных нам орд и всей державы нашей. Мы знакомы давно, многожды встречались, и я надеюсь, снова найдем взаимопонимание.

Джан-Мамбет слушал не шевелясь, как истукан. А сераскир перебирал в руках черные агатовые четки и время от времени поправлял воротник своего верблюжьего кафтана. Он старался выглядеть приветливым, но внутренняя тревога не покидала его.

– Господа! Прежде всего, я хотел бы выслушать вас, – доверительно произнес Щербинин, поворачиваясь к правителю ногайцев и отдавая ему дань уважения как старшему по

возрасту. Шагин возмущенно вскинул глаза, ухмыльнулся. Кровь бросилась ему в лицо. Наследственный хан посчитал себя уязвленным!

– Передай, Евдоким-эфенди, царице, что совсем плохо стало жить ногайцам, – выслушивая сбивчивую речь бея, подбирал слова переводчик. – Снега очень много, а корма для скота очень мало. Едисанцы и буджуки обеднели и испытывают голод. Нет ни хлеба, ни проса. От хворей много умирает детей и стариков. Мы не можем находиться в степи. Мы хотим переселиться к горам, где для укрытия есть леса. Часть едисанцев ушла за Кубань. На той, турецкой стороне, зимуют и другие орды. Турки им дают деньги и привозят продукты. Этого и мы просим у царицы Екатерины. Многие мурзы ропщут и предлагают вернуться в Бессарабию или в Крым. Они считают себя подданными хана и отказываются подчиняться русским.

– В приграничные крепости, откуда ведется торговля с ордами, уже отправлено четыре тысячи четвертей хлеба и круп. Это не меньше, чем в тот год, когда я впервые приезжал сюда... Глубокоуважаемый бей! Нужды едисанцев и буджуков, степных кочевников, нам известны. Вы вольны расселяться по всей территории Правокубанья, от Азова до Еи и далее, на юг. Однако есть одно условие. Вдоль берега Кубани находятся наши пограничные посты и заставы, и скопление людей там недопустимо, – твердо заключил Щербинин, встречая колющий взгляд ногайца. – Новые селения необхо-

димому обустроить на наших землях. Хотя бы временные – на зимние месяцы. Не стану перечислять все выгоды для ваших людей. Мы не намерены диктовать им образ жизни, уважаем вашу волю и выбор. С этой целью и задумала императрица Екатерина Алексеевна создать Татарскую область, населенную ногайцами и иными племенами. Возглавить ее должен выборный правитель, пользующийся уважением.

– Идея хороша, но препятствий чрезвычайно много, – рассудил Шагин-Гирей. – В прежние годы и ногайские орды, и татары мирно уживались в одном ханстве. Как сераскир должен признать, что в данный момент нет между ордами согласия.

Джан-Мамбет вспыхнул, возвысил свой дребезжащий голосок:

– Достославный Шагин из рода Гиреев! Аллах – свидетель, что ратовал я перед мурзами и царицей русской Екатериной, чтобы стал ты сераскиром... Ты говоришь пустые слова! Ногайцы должны образовать свое ханство! Мы хотим навечно иметь землю, собственную страну, своего хана. Мы заслуживаем этого так же, как и вы, достославные татары.

– Мы кровью и мечом завоевали свою землю и по сей день отстаиваем ее! – с неожиданным гневом выкрикнул сераскир, бледнея, отчего его миндалевидные глаза кофейного оттенка стали еще крупней. – А у ногайских орд, вверенных мне, приверженность к интригам и распрям. Мне силой вооруженных отрядов приходится пресекать попытки иных лу-

кавых мурз переметнуться к османам, чинить русским и своим же сородичам козни... Ваше высокопревосходительство, с помощью Аллаха мне удалось наладить отношения с правителями всех орд, кроме едичкульцев.

– Об этом мы поговорим отдельно, – остановил сераскира Щербинин, давая ему понять, что затребованные деньги для подкупа едичкульской орды привезены. – Важным вопросом, всемилостивые господа, остается подданство. По словам подполковника Стремоухова, большинство мурз готово стать под скипетр Ее Императорского Величества. Что же до границ будущего ханства, то они будут установлены в пределах нынешних ногайских кочевий и далее, до земель войска Донского. Но сие станет возможным лишь после присягания орд на вхождение в состав Российской империи.

– Я подтверждаю все клятвенные обещания русской царице в дружественном отношении и почту за счастье стать ее подданным, – заговорил старый бей, сдернув с головы малахай. – Но как убедить в этом мулл и владельцев, принадлежащих не мне, а Аллаху?

– Мы гарантируем свободу вероисповедания и поддержку магометанскому духовенству, – заверил русский генерал. – В империи живут тысячи приверженцев ислама. Я приехал со свежим известием из Моздока. Переговоры астраханского губернатора Кречетникова с осетинской делегацией завершились соглашением о принятии осетинцами российского подданства и добровольном переселении желающих на рав-

нинные земли. Ранее такое же решение приняли карабулаки и ингуши, достойнейшие горские народы.

– Ногайцы привыкли к полной независимости, – возразил Шагин-Гирей, кладя четки на стол. – Россия и Порта дали Крыму самостоятельность. И если орды войдут в империю Екатерины, это будет нарушением прежних договоренностей.

– Ее Императорское Величество надеется, что ногайцы примут подданство без нашего участия, – откровенно сказал Щербинин, начиная раздражаться от излишней затянутости переговоров. Пора было метать козырь!

– Мы надеемся, что при вашей мудрой поддержке, Джан-Мамбет-бей, титул хана ногайского народа будет предложен единственно достойному, который пользуется среди орд признанием. И это – вы, досточтимый Шагин-Гирей!

Сераскир, внешне оставаясь невозмутимым, встал и поклонился русскому посланнику. А Щербинин не спускал глаз с предводителя едисанцев и буджаков.

– Да свершится так по воле Аллаха! – не сразу воскликнул призадумавшийся бей и провел ладонями по лицу, и следом за ним этот молитвенный жест повторил Шагин-Гирей.

– Ежель ногайцы станут детьми Ее Императорского Величества, мы значительно увеличим помощь. Прежде всего провиантом и прочими товарами. Жизнь вашего народа изменится и станет надежней, – твердил Щербинин, точно на губернаторском совете. – Но и от вас, глубокоуважаемые гос-

пода, мы ожидаем верного служения Российской империи!

Затем Щербинин по просьбе ослабевшего и, вероятно, больного бея уделил ему еще час для личной аудиенции, во время которой предводитель и получил в подарок увесистый мешочек с золотом. А Шагин-Гирею царский посланник передал тридцать пять тысяч целковых для воинственных едичкульцев, запросивших именно такую сумму.

Наедине с хорошо знакомым русским сановником ханский дофин был сговорчивей. Он, не жалея слов, клеймил орды за невежество, алчность, готовность переметнуться к прежним врагам... И несколько раз повторил, что только военная сила и золото способны удерживать кочевья мурз в покорности.

Евдоким Алексеевич, выслушав сераскира, убедился в его боевом настрое и непомерном самолюбии. Изю всех предводителей и государственных лиц, с кем ему приходилось встречаться в Крыму и в кочевьях, этот родовитый татарин, бесспорно, был наиболее образованным и трезвомыслящим. Как бы там ни было, но в дальнейших планах императрица склонна делать ставку именно на него...

Вояж Щербинина в ногайские кочевья был недолог. Бывший измайловец и боевой офицер, глава Слободской губернии, он привык действовать энергично и безотлагательно. Тройка лошадей мчала его на север, а курьеры с подробным отчетом о встречах с заинтересованными персонами еще шибче гнали подседланных скакунов в Санкт-Пе-

тербург. Там с нетерпением ждал вестей Панин, сторонник создания Ногайского ханства. Отделение Кубани, как полагал он, ослабит крымского хана и усилит позиции империи в Кабарде. Впрочем, эта многообещающая и заманчивая идея объединения ногайских орд и создания их области не предусматривала строгих сроков реализации. Сие не зависело ни от него самого, ни от императрицы. Международная обстановка осложнялась. Франция, Швеция и Австро-Венгрия мирный трактат с османами восприняли как сигнал к общим решительным действиям против Российской империи. В их сторону поглядывала и Пруссия...

Никита Иванович Панин любил сравнивать европейский миропорядок с аптекарскими весами. Равный груз на обеих чашах, кажется, незыблемо удерживает их в статическом положении. Но достаточно лишь мизерной гирьки, чтоб это равновесие нарушить...

Исстари велся на Дону козаками промысел, который был не только забавой, но и поучительным испытанием и проверкой готовности к службе. В зимние месяцы сбивались станичники в гурты по несколько десятков человек и отправлялись в дальние урочища, на Терек и Медведицу, а то на Куму-речку полевать зверя, на гульбу, как по-донскому называли охоту. Брали с собой ружья и пистолеты, запас пороха и свинца, чеканы, ладные топорики на длинных ручках, нагайки-волкобойки и легкие укороченные пики, именуемые дротиками. Охотники, или гулебщики, добывали зверье с коней, арканили тарпанов, сайгаков и косуль. Если пойманного дикого коника удавалось объездить, то желанней боевого гривастого «дружка» для козака и быть не могло! Приземистая, выносливая, буйнонравная, эта лошадка смело бросалась вдогонку за волком, встречь вепрю, а ударами задних ног, случалось, валила наземь медведицу.

Но с петровской поры, когда государство взяло донцов в узду, козачьи коши уже гораздо реже отправлялись на вольную потеху. Теперь охоту затевали они неподалеку от куреней и войскового начальства. Сверх того, сами атаманы, приурочив ее к одному из праздников, скликали козачков на Большую охоту. Намечал было войсковой атаман Сулин устроить всеобщую облаву накануне Николы зимнего, но

стужа и метели порушили планы. Зато после праздничка погода держалась маломорозная, солнечная, безветренная.

Леонтий, встав затемно, протопил в курене печь, порубил тушку дрофы, подстреленной на прошлой охоте с Касьяном, и поставил варить. Марфушу, досматривавшую свои девичьи сны, будить не стал. А поднявшейся вместе с ним матери напомнил, что на весь день уезжает на атаманскую охоту и попросил положить в суму кругликов и вяленую сулу⁹. Затем вышел на баз, напоил своего Айдана и насыпал в ясли овса. Сарай-денник, крытый камышовой двускатной крышей, был припорошен ночным снегом. Свежая пелена его похрустывала под валеными сапогами. Это был добрый знак. Верней охотиться по свежему следу!

С зарей к курганам Двух братьев, что в видимости с крайней улицы, съехалось не менее трех сотен козаков. Примерно столько же подтянулось пеших. Оживленные разговоры, гвалт, хохот будоражили рассветную степь. Однополчане радовались друг другу, перебрасывались шутками да прибаутками. Леонтий разговаривал то с Мишкой Шелеховым, то с Акимовым, то с богатырем Белощекиным. Они не виделись, почитай, с того дня, когда полк прибыл на родину. Но вскоре беседа пресеклась. Распорядитель дал пешим команду выдвинуться на высотки займища, а доброконным рассредоточиться вдоль Дона, чтобы отрезать отход зверья в камыши и заросли тальника. Ружейники же и нагаечники должны

⁹ Цугикать (донск.) – играть.

были дать по балкам кругляя и замкнуть сторону степи.

Ремезов с Белощекиным и Касьяном Нартовым пустили лошадей к донскому берегу. К ним присоединилось еще человек тридцать полевщиков с заткнутыми за пояс, скрученными до времен волкобойками. Сполох копыт гулко отдался в неподвижном морозном воздухе.

Многочисленность, запахи лошадиного пота и навоза, отрывистые голоса козак, бряцание оружия – все это живо напомнило Леонтию полк, недавние походы и сражения. И щемяще дрогнула душа от присутствия скачущих рядом козак, от возрастающего азарта и предвкушения охоты! Эти ощущения напоминали те, которые испытывал на службе. Главное отличие состояло в том, что сейчас не давил страх опасности, неизбежного риска. Хотя схватка с хищником проста и непримирима. Зверь не способен на подлость, он обладает наитием, силен отвагой и хитростью. И это звериное рыцарство козаками даже почиталось.

Кош гулебщиков, в котором был и Леонтий, растянулся в горловине займища. Атаман Сулин и полковники наблюдали за перемещением сил с кургана. Когда займище было окружено, трехкратный ружейный залп возвестил о начале гона!

Первой двинулась цепь верхоконных со стороны степи. Снег доставал лошадям до колен, не давая разогнаться. Одновременно пешеходы, сужая пространство, спустились с холмов. По низкому небу кочевали гривастые тучи, подстегиваемые ветром. Тень и пятна света бежали по снежному

моря. Временами яркие звездочки вспыхивали на серебряных кольцах сбруи. Стоголосый рев охотников возрастал по мере приближения к займищу.

Леонтий с трудом удерживал Айдана, возбужденного шумом и близостью кобыл. На пару с Пантелеем Белощекиным они таились в засаде, на пологом склоне, скрытом кустами шиповника. Поверх колючих лоз открывалась вся ширь займища.

Великая козацкая потеха была в разгаре! Стадо зайцев металось между всадниками, которые нещадно засекали их нагайками. Вдоль низины, где желтели кулижки камыша и топорщились пониклые вербушки, конники гаяли лисиц и кабанов, петляющих туда-сюда, обходящих или тараном пробивающих препятствия. При виде этого у Леонтия неудержимо захватило дух!

– Изготовься! Зараз и нам будет развесело! – пробасил Белощекин, поигрывая своим мощным ременным волкобо-ем, увенчанным тяжелым шаром. Нагайка эта была недлинна, но в ручище Пантелея обретала сокрушительную силу. По всему Черкасску ведали, что лучше его никто не валит волков. С одного-двух ударов ломал он серому лопатки. И теперь, цепко вглядываясь в пространство между скатами, в расписанную следами зверей снежную гладь, богатырь ожидал появления стаи. Волков здесь видели дрововозы и осенью, и по первоснежью. Однако, опережая их, из-за крайних деревьев высокими прыжками вылетели косули, – и попали

под дротики и нагайки охотников.

Всего минуту, охваченный азартом, наблюдал Леонтий и его напарник за действиями охотников. И этого оказалось жожаку достаточно, точно бы почуявшему, что внимание людей отвлечено. Машистым бегом, проломив тальники, он провел стаю мимо козаков. На треск сохлой полыни Пантелей обернулся и выдохнул:

– Эх, проворонили!

Но тотчас полохнул ружейный залп из кустарников, с наветренной стороны, где был следующий козачий секрет. Сизое облачко пороха повисло на ветках терновника. Запах дыма волнующе ощутили козаки. Похоже, волки дальше не ушли...

Между тем гайщики, сомкнув строй, завершали гон.

Леонтий, не выдержав, тронул коня, который почему-то стал непослушно и пугливо пятиться. Какой-то странный желтоватый узор мелькнул сквозь красноватые ветки молодого боярышника. «Никак, рысь?» – ожгла Леонтия догадка, и он, перехватив по-боевому дротик, выкрикнул:

– Рысь! Отбивай от леса!

Белощекин, оказавшись впереди, смахнул со склона. А Леонтий направил араба к распадку камней. Саженой двадцать оставалось до места, где мог быть зверь. И, храня молчание, они, опытные охотники, поняли друг друга, решили атаковать с ходу, чтобы зверина не ушла за деревья.

Заскочивший наперед Белощекин от изумления ахнул,

когда его дончак осадисто замедлил бег, остановился и с громким ржанием взвился на дыбки. Непривычная растерянность омрачила лицо бородача. Он заткнул ручку нагайки за пояс, катнув свинцовый шар по земле, и выдернул из переметной сумы чекан. Леонтий, поравнявшись с ним, увидел между колючими зарослями терновника огромную пятнистую кошку. Размером она была с полугодовалого телка. По серебристой лоснящейся шерсти, точно медяки, были рассыпаны охристо-красноватые пятнышки. Бросилась в глаза большая головень этого невиданного прежде зверя, коричневые прижатые уши, широкий, такого же цвета, нос и светлая шея, по которой тянулись тонкие полоски.

— Барс, — только и выдохнул Пантелей и, судорожно глотая слюну, посмотрел на своего напарника. Отчаянный блеск в глазах богатыря ободрил Леонтия.

Могучий зверь, скалясь, присел на задние лапы. Позади него все ближе слышался шум гона, по-младенчески рыдающие голоса раненых зайцев. Барс вздрогнул всем телом, на миг скосил голову на густолесье. Отступить было некуда. Путь остался только вперед!

Леонтий обостренным зрением уловил вымах передних лап барса, его ощеренную клыкастую пасть и взметнувшийся длинный хвост с черными кольцами на кончике. Вероятно, хищник был молод, безогляден, и бросился напролом, чтобы отогнать коня или ранить. В тот же миг козаки рванули лошадей навстречу! Пантелей занес чекан, правя на-

перерез зверю. А Леонтий, подстегнутый тем бесстрашием, которое овладевает человеком в минуту крайней опасности, понял с ужасающей ясностью, что Белощекин не успевает ему помочь, если этот могучий кот сделает прыжок или ударит лапой. Окаменевшая рука срослась с дротиком, и лишь вскользь выхватывал взгляд, сосредоточенный на звере, острие его старинного оружия...

Перед атакой барс, пригнувшись к земле, метнулся влево, заставив Айдана шарахнуться и стать боком. Следующим движением он был готов сомкнуть зубы на шее лошади, если бы не разящий, как удар молнии, удар козачьего дротика. Он вошел зверю под грудину наискось и на мгновенье заставил отпрянуть. Белощекин в тот же миг изо всей силы опустил чекан на шею барса и вторым ударом заставил его издать рык и замереть. Леонтий выхватил из ножен шашку. Но она уже не понадобилась. Темная кровь ключом била из зияющей на шее раны. И этот царственный обитатель Кавказа, жалобно, точно прощаясь, простонав, лег наземь. Жажда жизни заставила его снова встать на лапы. Но тут же, содрогнувшись, он рухнул с торчащим в груди дротиком и остался недвижим...

На всеобщем пиру в атаманском правлении, куда приказали бочку водки и снесли жареную дичину, войсковой атаман Сулин предложил выпить за лучшего гулебщика, сотника Ремезова. А Леонтий не мог отрешиться от неприятного холодка, сковавшего грудь. И только после третьей чарки, захмелев, обрел он привычное состояние. Но тоска по Мер-

джан, непреходящая боль утраты, отвлекали его, делали безразличными похвальные слова односумов. Закружило застолье, но не согрелась душа байками да водкой. Без любимой мир стал горестным и пустым.

Слава охотника-смельчака обернулась для сотника Ремезова новым испытанием. Хотя полк Платова, в котором он служил, готовился к походу в Пошехонский край, в Поволжье и на Вологодчину, где разбойничали шайки бунтовщика Васильчихина и недобитых пугачевцев, Леонтий был срочно вызван в войсковое правление с полусотней козаков, отобранных из разных частей. Это было непредвиденно, поскольку его полк уже собирался в поход.

Семен Никитич Сулин, разгладив окладистую бороду и приняв строгий вид, приказал писарю зачитать ордер, поступивший от главнокомандующего всеми иррегулярными войсками империи графа Потемкина. В нем повелевалось: «По получении сего имеет Войсковая канцелярия, набрав из самых лучших и способнейших в оборотах козацкой службы 65 человек, на легких, прочных лошадях, отправить в Москву, приказав явиться у меня, стараясь при том, чтобы оные к январю месяцу наступающего года прибыть туда могли. А как оные имеют быть употреблены, в знак ревности и усердия всего войска – при Высочайшем Ея Императорского Величестве Дворе, то и не сомневаюсь я, что войско Донское избранием к тому из имянитых и лучших людей, соответствующих как знанием службы, так и поведением своим,

оправдает то непрестанное мое у престола Ея ходатайство, которое я к благополучию его употребляю, а о доставлении им в пути продовольствия предложено от меня господину генерал-майору Потапову».

Собравшиеся слушали писаря, стоя навытяжку, постепенно понимая, что именно на них пал атаманский выбор. Подняв голову, войсковой атаман безо всяких обиняков объявил:

– По решению войскового Совета и моей волей, братцы-козаки, надлежит примерным поведением и рачительной службою прославить вольный Дон при Дворе Ее Императорского Величества. Казна каждому из вас выделит для покупки запасной лошади столько монет, сколько потребно. На сборы отвожу аккурат три дня. Командиром сего почетного сикурса, а лучше сказать – эскадрона, я назначаю всем известного полковника Орлова. От обер-коменданта крепости Святого Димитрия Потапова намерен я получить циркуляр о выделении провианта, фуража и прочего довольствия. Распоряжаться этим будет вверенный ему поручик Матзянин. Одним словом, братцы-донцы, с Богом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.